

УДК 330.59(063)
ББК 65.9(2Рос)-94
У71

Доклад представлен Национальным исследовательским университетом
«Высшая школа экономики» и журналом «Эксперт»

Руководитель авторского коллектива — Ясин Е.Г.

Авторский коллектив:

Андрушак Г.В. (НИУ ВШЭ), Бурдяк А.Я. (НИСП — Независимый институт социальной политики), Гимпельсон В.Е. (НИУ ВШЭ), Ивантер А.Е. (журнал «Эксперт»), Капелюшников Р.И. (НИУ ВШЭ), Козырева П.М. (НИУ ВШЭ), Косарева Н.Б. (фонд «Институт экономики города»), Малкова М.А. (НИСП), Овчарова Л.Н. (НИСП), Пишняк А.И. (НИСП), Пономаренко А.Н. (НИУ ВШЭ), Попова Д.О. (НИСП), Попович Л.Д. (НИУ ВШЭ), Пузанов А.С. (фонд «Институт экономики города»), Селезнева Е.В. (НИУ ВШЭ), Тишининова Г.А. (НИУ ВШЭ), Фадеев В.А. (журнал «Эксперт»), Шейман И.М. (НИУ ВШЭ)

Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах [Текст] :
У71 докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Г. В. Андрушак, А. Я. Бурдяк, В. Е. Гимпельсон и др. ; рук. авт. колл. Е. Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 86, [2] с. — 2000 экз. — ISBN 978-5- 7598-0886-2 (в обл.).

Доклад представляет собой попытку обобщения результатов исследований, выполненных учеными НИУ ВШЭ и журнала «Эксперт» в рамках совместного проекта по измерению изменений уровня благосостояния населения России в 1990–2009 гг. К работе были привлечены также ученые из Независимого института социальной политики (НИСП) и фонда «Институт экономики города». Доклад включает обобщение расчетов, выполненных различными методами и направленных на изучение различных аспектов изменения уровня благосостояния за указанные годы. В частности, рассматривается изменение уровней доходов и расходов российского населения, натуральных показателей потребления включая натуральные показатели потребления нерыночных услуг, оценивается изменение доступности жилья, а также делается попытка построения некоего обобщающего показателя уровня благосостояния, учитывающего все эти факторы. Более подробные доклады по отдельным аспектам проблемы представлены дополнительно.

УДК 330.59(063)
ББК 65.9(2Рос)-94

ISBN 978-5-7598-0886-2

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

Оглавление

1. Введение	4
2. Методология	5
2.1. Период исследования и статистические ограничения	5
2.2. Три подхода к измерению экономического благополучия и социального прогресса	7
3. Сопоставление уровней и структуры стоимостных показателей	10
3.1. Метод реальных денежных доходов населения	10
3.2. Метод системы национальных счетов (СНС).....	12
3.3. Структура ВВП	18
3.4. Структура доходов домашних хозяйств.....	19
3.5. Метод, основанный на покупательной способности среднего дохода («Эксперт»)	20
3.6. Промежуточный итог: оценки изменений уровня текущего потребления домашних хозяйств в России за последние 20 лет.....	25
4. Сопоставление натуральных показателей благосостояния и образа жизни	27
4.1. Особенности анализа натуральных показателей.	27
4.2. Продовольственные товары.....	27
4.3. Потребительские товары длительного пользования.	29
5. Инвестиции и услуги	31
5.1. Потребление образовательных услуг	31
5.2. Потребление услуг здравоохранения.....	34
5.3. Обеспеченность жильем	39
5.4. Приватизация	46
5.5. Денежные накопления	47
6. Сводный индекс благосостояния	52
7. Рынок труда	56
8. Неравенство	68
9. Международные сопоставления уровней благосостояния	77
10. Выводы	82

1. Введение

Попытки дать количественную оценку изменений базовых параметров уровня жизни в России за период с начала проведения в нашей стране рыночных реформ предпринимались неоднократно, но проблема все еще не может считаться решенной. Отчасти это связано с эмоциональной и идеологической составляющими данного вопроса, но главную сложность представляют все же методологические и информационные проблемы. Так или иначе консенсус до настоящего времени не достигнут, и проблема постепенно стала приобретать признаки нерешаемой. Тем не менее новые попытки решить проблему не прекращаются.

Очередная попытка оценить динамику уровня жизни в России в 1990–2008 гг. была предпринята группой исследователей журнала «Эксперт» совсем недавно. Эти исследователи обратились за консультациями и поддержкой в НИУ ВШЭ, и данное обстоятельство послужило формальным поводом к инициации совместного проекта НИУ ВШЭ и журнала «Эксперт» по исследованию изменения уровня жизни населения России за период с начала проведения рыночных реформ. Доклад представляет собой попытку обобщения результатов исследований, выполненных учеными НИУ ВШЭ и журнала «Эксперт» в рамках данного проекта. Были привлечены также ученые из Независимого института социальной политики (НИСП) и фонда «Институт экономики города». Более подробные доклады по отдельным аспектам проблемы будут представлены дополнительно.

Авторы доклада не претендуют на окончательное решение проблемы, которая еще долго будет оставаться животрепещущей для нашей страны. Скорее, речь идет о попытке обобщения уже достигнутых результатов и формулировании некоторых относительно новых подходов к ее решению. Считаем своим долгом заметить, что в ряде случаев мы прибегали к весьма грубым оценкам, чтобы дать более общую картину, в надежде подтолкнуть коллег к исследованиям в намеченных направлениях. Авторы считали бы свою миссию выполненной, если данная работа добавит несколько штрихов к уже написанной другими исследователями картине или побудит новых исследователей, особенно молодых и не отягощенных идеологическими и иными предубеждениями, принять участие в дискуссии.

2. Методология

2.1. Период исследования и статистические ограничения

Можно по-разному понимать временные рамки периода проведения радикальных экономических и социальных реформ в России. Со статистической точки зрения, было бы логично рассматривать в качестве начальной точки исследования точку изменения тенденции основных макроэкономических трендов, т.е. прекращение экономического роста и начало коллапса плановой экономики. Разные индикаторы (производство, инвестиции, инфляция) фиксируют этот процесс по-разному, однако можно сказать, что в 1990 г. о смене тенденции можно было говорить уже вполне определенно. Поэтому было бы правильно строить и анализировать динамические ряды, начиная с 1989-го или даже с 1988 г. По возможности мы поступали именно так, но главным ограничителем в данном случае является наличие статистических данных.

Можно назвать как минимум три аспекта связанной с этим проблемы:

- 1) методологическая несопоставимость советской и новой российской статистики;
- 2) недостаточная надежность статистических данных, особенно относящихся к началу 1990-х годов, что связано с гиперинфляцией, институциональными и структурными преобразованиями в экономике и т.д.;
- 3) недоступность или даже утрата данных исторической статистики.

Российская государственная статистика начала активно реформироваться примерно с 1992 г., т.е. уже по ходу радикальных экономических преобразований в стране. Это касается внедрения системы национальных счетов взамен советской макроэкономической системы баланса народного хозяйства, начала наблюдений за изменением цен, внедрения основанных на международных стандартах классификаторов, перестройки системы сбора первичных данных от домашних хозяйств. Некоторые экономические процессы (например, инфляция или безработица) во времена СССР просто не фиксировались.

Известно, что статистические данные, относящиеся к первой половине 1990-х годов, не всегда надежны. В 1992 г. Россия фактически испытала на себе действие гиперинфляции, индекс потребительских цен составил около 2600%. Собрать и обрабатывать статистические данные в этих условиях вообще очень трудно, а если добавить к этому отсутствие у российских статистиков опыта работы с новыми показателями и в условиях новых для них рыночных отношений, то невысокое качество статистических материалов вполне объяснимо.

Не сразу сформировалась удовлетворительная система публикации официальных статистических показателей. Советская статистика собирала огромные массивы первичных данных, но только небольшая часть из них публиковалась, причем часто — в виде относительных величин. К сожалению, значительная часть статистических архивов была утеряна в годы коллапса СССР и начального периода строительства российской государственности. Нет доступа и к первичным статистическим данным по России, относящимся к 1990-м годам. Можно говорить о том, что значительная часть весьма ценной исторической статистики советского и переходного периода безвозвратно утрачена.

Упомянутые обстоятельства обусловили выбор методов исследования и степень надежности полученных результатов. В большинстве случаев мы были вынуждены отказаться от построения динамических рядов, отдавая предпочтение анализу крайних точек. Как правило, полученные нами оценки носят индикативный характер, т.е. не претендуют на полный охват описываемого феномена, давая лишь общее представление о его величине и тенденции развития. Кроме того, они не могут, конечно же, претендовать на полную надежность. Там, где это было необходимо и казалось нам допустимым с точки зрения методологии и качества исходных данных, мы прибегали к интерполяции и экстраполяции статистических данных. По возможности мы стремились увязать результаты между собой, но при этом нам не удалось повсеместно добиться математической сбалансированности. Тем не менее представляется, что нам удалось показать определенные тенденции и исторические соотношения, относящиеся к изменению уровня и основных характеристик уровня жизни населения России за указанный период и количественно описать некоторые из них.

2.2. Три подхода к измерению экономического благополучия и социального прогресса

Вопрос о том, что составляет смысл понятия «уровень жизни», занимал умы ведущих философов начиная с Аристотеля; множество определений этой категории до сих пор обсуждается в литературе. Но ни одно из этих определений не способно выступить в качестве универсального, каждое из них представляет различные философские и практические подходы. В докладе комиссии Стиглица «Измерение экономических результатов и социального прогресса»¹ отмечается, например, что свою состоятельность доказали три основных концептуальных подхода: первый из них основывается на представлении о субъективном благополучии, второй — на представлении о располагаемых возможностях, третий — на экономических концепциях, заимствованных из теорий благосостояния и справедливого распределения. Каждый из этих подходов может служить основой для различных стратегий измерения.

Концепция субъективного благополучия основана на философской традиции, которая рассматривает индивидуумов в качестве наилучших судей условий своего существования. В экономической теории этот подход тесно связан с традицией теории полезности, точка зрения которой состоит в том, что уровень жизни отражается исключительно в субъективном состоянии каждой личности. Измерение уровня субъективного благополучия производится в основном посредством различного рода опросов.

Некоторые интересные обследования субъективного восприятия результатов рыночных преобразований с точки зрения их влияния на уровень жизни населения проводились и в России. Однако в рамках этого проекта мы решили отказаться от использования данного подхода.

Концепция располагаемых возможностей («capabilities») основана на подходе, при котором уровень жизни оценивается через свободу личности делать выбор между различными комбинациями этих функциональных состояний (возможностей).

¹ Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited // Documents de Travail de l'OFCE / Observatoire Français des Conjonctures Économiques (OFCE). 2009. Dec. No. 2009-33.

Примером осуществления такого подхода является индекс развития человеческого потенциала, запущенный в практику Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) в 1990 г., который основан на представлениях о развитии как процессе, расширяющем свободу выбора и возможности людей. Сам по себе такой подход представляется весьма разумным, но в части его конкретного использования имеется много неясностей, что препятствует его широкому распространению. Тем не менее мы использовали этот подход в нашем проекте при расчете некоторых показателей, характеризующих возможность достижения отдельных целей, являющихся составными элементами понятий «благополучие» или «уровень жизни». В частности, мы оценили возможность «среднего» россиянина удовлетворить свои потребности в покупке набора потребительских товаров и услуг, а также приобретении жилья.

Наконец, третья концепция основана на экономических подходах — теориях благосостояния и справедливого распределения. Традиционный подход к измерению благосостояния людей, которого придерживается большинство экономистов, основан на измерении и сопоставлении различных уровней имеющихся в распоряжении индивидуумов ресурсов, которые обычно оцениваются через учет либо различных видов дохода или активов в денежной форме, либо товаров и услуг (в денежной или натуральной форме), которые они потребляют.

Именно этот подход составил основу нашего исследования. Большая часть проведенных нами исследований связана с сопоставлением уровней потребления товаров, рыночных и нерыночных услуг населением России в денежной и натуральной форме.

При этом мы вполне осознавали тот факт, что жизнь большинства людей в России в конце 2000-х годов стала не столько лучше или хуже жизни, которую они вели в конце 1980-х годов, сколько она стала другой. Изменился образ жизни, обусловленный экономическими условиями, изменившейся организацией общества и экономики, современными потребительскими предпочтениями и т.д. Чтобы оценить эти изменения, мы уделили внимание структурным изменениям важнейших показателей, рассмотрели специфику явлений, связанных с рыночной экономикой, которые не были характерны для дорефор-

менной России (в том числе безработицу, рост доли платных услуг в области здравоохранения и образования, рынок жилья). Мы не оставили без внимания и тот факт, что менялась не только Россия — менялся и остальной мир. Поэтому мы поставили вопрос, каким образом изменился уровень жизни россиян не относительно их уровня жизни 20 лет назад, а относительно уровня жизни жителей других стран. Ответ на этот вопрос мы попытались дать на основании применения результатов международных сопоставлений, основанных на использовании паритетов покупательной способности национальных валют.

Наконец, мы постарались обобщить полученные результаты, сформулировав определенные выводы.

Основные результаты проделанной нами работы приведены в соответствующих главах данного доклада.

3. Сопоставление уровней и структуры стоимостных показателей

3.1. Метод реальных денежных доходов населения

Традиционно в российской научной практике в качестве репрезентативного показателя для исследования динамики уровня доходов работающего населения (так называемые «первичные доходы» в терминологии системы национальных счетов) используется показатель средней реальной заработной платы (т.е. заработной платы, скорректированной на изменение индекса потребительских цен). Для исследования динамики доходов неработающих членов общества («вторичные доходы» в терминологии СНС) достаточно представительным является показатель реальных пенсий. Динамика совокупных доходов населения (домашних хозяйств) традиционно описывается с помощью показателя реальных денежных доходов населения. Все перечисленные показатели регулярно публикуются еще с советских времен, и найти их не представляет проблемы.

Динамика этих показателей приведена на рис. 3.1.

В качестве начальной точки для сравнения будет использован 1991 г., предшествующий радикальным изменениям в уровне реальных доходов². Несмотря на то что за точку отсчета мы выбрали 1991 г., надо отметить, что инфляционные процессы в российской экономике начались ранее и выражались не столько в росте цен, сколько в углублении дефицита товаров и услуг, распространении теневой экономики. Однако при этом рост номинальных доходов все же обогнал рост цен на товары и услуги. В 1992 г. либерализация цен на потребительские товары и услуги³ привела к резкому обесцениванию доходов, заработной платы и сбережений населе-

² Нужно отметить, что лучше было бы начать анализ с 1990 г. (последнего «полного» советского) или 1998 г. (последнего стабильного), однако в данной главе это не представляется возможным, поскольку статистические данные по нескольким ключевым показателям недоступны.

³ Указ Президента РСФСР от 03.12.1991 № 297 «О мерах по либерализации цен»; Постановление Правительства РСФСР от 19.12.1991 № 55 «О мерах по либерализации цен».

ния⁴. Стремительный рост цен на потребительские товары и услуги (сводный индекс цен составил 2600%), опережающий увеличение номинальных доходов (11,3 раза), обусловил в 1992 г. падение реальных доходов более чем в 2 раза — до 43,7% от уровня предыдущего года (рис. 3.1).

Источник: оценки Л.Н. Овчаровой на основе данных Росстата.

Рис. 3.1. Динамика ВВП, реальных денежных доходов, заработной платы и пенсий, 1990 г. = 100%, %

Пять лет, последовавшие за резким сокращением доходов населения в 1992 г., продемонстрировали неустойчивый и скорее периодический рост. Это связано, по крайней мере, с двумя факторами, характерными для данного периода⁵: 1) продолжающийся макроэкономический спад (в 1997 г. ВВП составил

⁴ См. также: Социальные проблемы переходного периода // Социал. защита населения. Рос.-канад. проект / под ред. Н.М. Римашевской. М.: РИЦ ИСЭПН, 2002. С. 29–95.

⁵ См. также: Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / Г.Е. Бесстремьянная, А.Я. Бурдяк, А.С. Заборовская [и др.]; рук. авт. колл. Л.Н. Овчарова; НИСП. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.

64% от соответствующего показателя 1991 г. в сопоставимых ценах); 2) кризис неплатежей по заработной плате, пенсиям и пособиям (объем задолженности по выплате заработной платы, пенсий и пособий составлял в 1994 г. 3,22 млрд руб., а в 1997 г. — уже 69,4 млрд руб.⁶).

Финансово-экономический кризис в августе 1998 г. прервал тенденцию восстановительного роста доходов населения. Последствием дефолта снова стал одномоментный скачок потребительских цен, однако по итогам 1998 г. инфляция не носила столь галопирующего характера, как в 1992 г. В результате реальные доходы по итогам декабря 1998 г. составили 42,5% от уровня 1991 г. В целом последствия этого кризиса оказались не такими катастрофическими для экономики, как можно было ожидать летом и осенью 1998 г., и уже первый послекризисный 1999 г. сопровождался ростом ВВП (6,4%). Улучшение макроэкономической ситуации, сокращение задолженности по зарплате и пенсиям, а также их индексация работникам бюджетных организаций привели к дальнейшему росту реальных доходов населения начиная с 2000 г. Последующий этап восстановительного роста доходов принципиально отличался от первого (1993—1997 гг.), так как происходил на фоне устойчивого экономического роста. Тем не менее в реальном выражении достичь уровня доходов 1991 г. удалось лишь в 2005 г.

3.2. Метод системы национальных счетов (СНС)

Важно, однако, ясно понимать, что представленные выше показатели не являются показателями национальных счетов, т.е. они не вполне соответствуют реалиям рыночной экономики. Например, показатель реальных денежных доходов не учитывает никаких видов доходов, кроме легальных в рублевой форме, т.е. не учитывает доходы в натуральной форме, в иностранной валюте, серые или нелегальные доходы. Возможно, в настоящее время доля таких доходов сократилась, но в 1990-е годы она была велика, и игнорировать ее при построении динамического ряда было бы неправильно.

⁶ Социальные индикаторы доходов и уровня жизни населения / Мин-во труда и социал. развития РФ. Вып. 7 (93). М., 2001.

В СНС для анализа доходов домашних хозяйств чаще всего используются два стоимостных показателя: располагаемых доходов домашних хозяйств и скорректированных располагаемых доходов домашних хозяйств. Эти показатели включают все то, что не включается в рассмотренный выше традиционный показатель, т.е. реальные денежные доходы (доходы в натуральной форме, доходы от собственного неформального производства, выплаты в валюте, досчет на скрытые доходы, а также все виды текущих трансфертов — пенсии, стипендии, пособия и т.д.). Показатель скорректированных располагаемых доходов отличается от «просто» располагаемых доходов на величину так называемых социальных трансфертов в натуральной форме, т.е. нерыночных услуг здравоохранения, образования, социального обеспечения, которые финансируются из государственного бюджета или бюджетов некоммерческих организаций и передаются домашним хозяйствам для бесплатного использования. Проблема заключается в том, что в СНС не принято дефлировать (т.е. пересчитывать в сопоставимые цены) показатели доходов, потому что не ясно, на какие именно цели, в каких соотношениях и когда они будут использоваться. Поэтому к ним трудно подобрать корректный дефлятор.

Обычно в СНС дефлируются показатели расходов. Поскольку СНС — это модель балансового типа, то доходы численно сбалансированы с расходами. Это означает, что располагаемым доходам соответствуют расходы на конечное потребление, расходы на прирост основного капитала (в основном это жилье), а также денежные сбережения. В случае со скорректированным располагаемым доходом к расходам на конечное потребление домашних хозяйств добавляется потребление бесплатно доставшихся нерыночных услуг. Это называется фактическим конечным потреблением. В нашем случае было бы логично использовать для анализа уровня потребления домашних хозяйств именно динамику этих двух показателей — расходов на конечное потребление домашних хозяйств и фактического конечного потребления домашних хозяйств.

Оба указанных показателя рассчитываются и публикуются Росстатом как в текущих, так и в постоянных ценах. Следовательно, с получением современных данных проблем не возникает. Однако определенные проблемы появляются при формировании длинного динамического ряда за весь период

1989–2009 гг. Официальные данные по СНС опубликованы Росстатом начиная с 1991 г. в текущих ценах и с 1992 г. в сопоставимых ценах. До этого российская статистика использовала иную макроэкономическую систему и иные показатели. Таким образом, до 1991 г. официальных данных по СНС России не существует.

К счастью, в 1998–2000 гг. были выполнены расчеты показателей СНС России в рамках проекта по исторической статистике, организованного правительством Японии. В ходе японского проекта по исторической статистике были восстановлены динамические ряды основных показателей СНС России начиная с 1961 г. Его результаты были опубликованы в Японии и в России⁷.

С помощью этих источников были сформированы динамические ряды показателей расходов домашних хозяйств на конечное потребление и фактического конечного потребления в сопоставимых ценах, а также собственно ВВП с 1988 по 2009 г. На основании этих динамических рядов были рассчитаны базисные индексы, которые приведены в табл. 3.1. Базисный динамический ряд индексов был составлен при помощи сцепления цепных индексов путем их перемножения. В этой же таблице содержатся динамические ряды индексов тех же показателей, но рассчитанных на душу населения.

Динамика расходов домашних хозяйств и фактического конечного потребления, характеризующих уровень жизни населения России согласно методу СНС, показано на рис. 3.2.

Результат может показаться несколько неожиданным. Принято считать, что падение уровня благосостояния было намного более существенным, поскольку только в 1992 г. доходы сократились вдвое по отношению к уровню 1991 г. Но показатели СНС не подтверждают этого. Падение расходов на конечное потребление, конечно, имело место, но было вовсе не таким драматичным. Дело в том, что, как мы уже отмечали, показатель реальных денежных доходов населения не учитывает натуральных доходов, скрытых доходов, потребления продукции собственного производства, а в показатели СНС все это включено. За счет этого расходы населения России на конечное потребление (по вер-

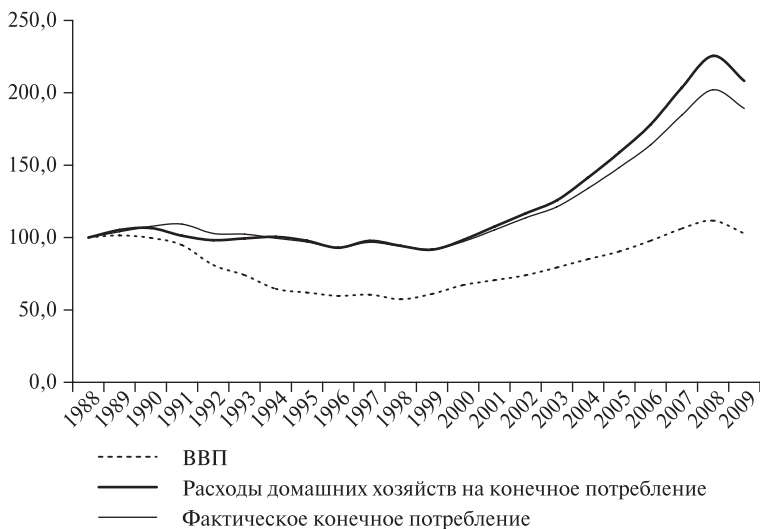
⁷ См.: Russian Economic Statistics in Historical Perspectives. Tokyo: An International Workshop, 2000; Пономаренко А.Н. Ретроспективные национальные счета России. 1961–1990. М.: Финансы и статистика, 2002.

Таблица 3.1. Динамика важнейших макроэкономических показателей потребления населения России, 1988 г. = 100%, %

Год	Динамика абсолютных значений показателей			Динамика показателей в расчете на душу населения		
	ВВП	Расходы домашних хозяйств на конечное потребление	Фактическое конечное потребление домашних хозяйств	ВВП	Расходы домашних хозяйств на конечное потребление	Фактическое конечное потребление домашних хозяйств
1988	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1989	101,5	105,3	104,1	100,8	104,6	103,4
1990	99,8	106,6	107,6	98,9	105,6	106,7
1991	94,8	101,2	109,3	93,8	100,1	108,1
1992	81,0	98,2	102,8	80,1	97,0	101,6
1993	74,0	99,4	102,4	73,2	98,2	101,2
1994	64,5	100,5	99,5	63,9	99,6	98,6
1995	62,0	97,8	96,9	61,4	96,9	96,0
1996	59,8	93,0	93,1	59,3	92,3	92,4
1997	60,6	97,7	96,7	60,4	97,3	96,3
1998	57,4	94,3	94,1	57,3	94,2	94,0
1999	61,1	91,6	91,8	61,2	91,7	92,0
2000	67,2	98,3	97,2	67,6	99,0	97,9
2001	70,6	107,6	105,2	70,9	108,1	105,7
2002	73,9	116,8	113,6	74,6	117,8	114,6
2003	79,3	125,8	121,3	80,4	127,5	122,9
2004	85,0	141,5	134,0	86,6	144,2	136,6
2005	90,4	158,7	148,4	92,6	162,6	152,0
2006	97,9	178,1	164,1	100,7	183,3	168,9
2007	106,2	203,6	184,6	109,7	210,3	190,7
2008	111,7	225,6	202,2	115,6	233,4	209,2
2009	102,9	208,2	189,2	106,5	215,6	195,9

Источники: Росстат; Russian Economic Statistics in Historical Perspectives. Tokyo: An International Workshop, 2000; собственные расчеты.

сии СНС) оказались достаточно стабильными в 1990-е годы и очень быстро росли в 2000-е годы. Своего наименьшего уровня расходы домашних хозяйств на конечное потребление достигли в 1999 г. (91% от уровня 1988 г.). Затем они стали расти на 7–14% в год и к 2008 г. достигли 225% от уровня 1988 г. Напомним, что речь идет о расходах в сопоставимых ценах, т.е. влияние фактора инфляции тут исключено.

Источники: Росстат; Russian Economic Statistics in Historical Perspectives. Tokyo: An International Workshop, 2000; собственные расчеты.

Рис. 3.2. Динамика ВВП, реальных денежных доходов, заработной платы и пенсий, 1990 г. = 100%, %

Фактическое конечное потребление также демонстрировало впечатляющую динамику. Его рост происходил несколько медленнее, поскольку этот показатель строится с учетом расходов государства на нерыночные индивидуальные услуги (т.е. здравоохранение, образование, социальное обеспечение), а они не росли так быстро, как расходы населения на покупку товаров и услуг. Тем не менее в 2007 г. уровень фактического конечного потребления составил более 200% от уровня 1988 г.

Соответствующие показатели расходов на конечное потребление в расчете на душу населения росли еще сильнее, по-

сколько население России после 1994 г. сокращается. Однако влияние этого фактора невелико.

Таким образом, нами были выполнены два варианта расчетов показателей, описывающих общий уровень благосостояния населения России. Первый вариант выполнен на основе традиционных для такого рода анализа данных реальных денежных доходов, которые не учитывают ряд доходов, в том числе доходы в натуральной форме, потребление продукции собственного производства и скрытые доходы. Второй вариант расчета был сделан с использованием показателей СНС — расходов домашних хозяйств на конечное потребление и фактического конечного потребления. Оба варианта расчета показывают, что благосостояние населения России сократилось в 1990-е годы и восстановилось в начале 2000-х годов. К концу рассматриваемого периода уровень потребления был выше исходного. В первом случае превышение составило порядка 30%, во втором — показатель 2009 г. превысил аналогичный показатель 1988 г. более чем вдвое.

Логично было бы предположить, что разница объясняется именно включением в показатели СНС дополнительных компонентов. Но проблема, однако, глубже. Мы уже упоминали о том, что любая статистика начала 1990-х годов, особенно статистика цен, является не вполне надежной, главным образом вследствие резких колебаний цен и необходимости строить цепные индексы цен, чтобы учесть их динамику за 20 лет. В обоих описанных нами методах применялось цепное дефлирование. Поэтому, к сожалению, нельзя быть полностью уверенными в полученных результатах. Естественно, что полученные вторым методом цифры, показывающие несущественное снижение уровня жизни в 1990-е годы и затем удвоение показателей к 2009 г. по сравнению с 1989 г., вызывают серьезные сомнения. Тем не менее они исчислены с выполнением всех формальных требований статистической науки, и мы посчитаем необходимым привести их в докладе, предупредив об искажении в силу свойств применяемых методов.

Но даже если принять, что определенные неточности в вычислениях, связанные с невысокой надежностью исходной информации, действительно имели место, тем не менее кажется вероятным, что к концу 2000-х годов уровень доходов/расходов населения России несколько превысил уровень конца 1980-х — начала 1990-х годов. Границы этого превышения можно условно определить от 30 до 100%. Чтобы более точно определить это соотношение, попробуем воспользоваться иными методами,

основанными на сопоставлении крайних точек, т.е. откажемся от построения динамических рядов. Таким образом, возможно, нам удастся нивелировать невысокое качество статистики начала 1990-х годов включая ошибки, накопленные при дефлировании цепных индексов цен за длительные периоды при весьма резких колебаниях цен.

3.3. Структура ВВП

Изменение структуры ВВП косвенным образом подтверждает вывод о том, что расходы на конечное потребление домашних хозяйств сокращались в 1990-е годы медленнее, чем ВВП в целом.

В табл. 3.2 приведены данные по изменению структуры ВВП России за 20 лет. Данные по структуре ВВП России за 1989 г. приведены по опубликованным результатам японского проекта по исторической статистике⁸.

Таблица 3.2. Изменение структуры ВВП России, %

	1989 г.	2009 г.
ВВП	100	100
Расходы на конечное потребление	67	74
в том числе расходы		
— домашних хозяйств	45	53
— государства и некоммерческих организаций	22	21
Валовое накопление	31	19
Чистый экспорт	2	7

Источник: Росстат.

Как видим, доля расходов на конечное потребление в ВВП действительно сильно выросла — от 67% в 1989 г. до 74% в 2009 г. Для сравнения: доля чистого экспорта также выросла — с 2 до 7%, и это при колоссальном росте цен на энергоносители⁹, которые составляют основу нашего экспорта и

⁸ См.: Russian Economic Statistics in Historical Perspectives. Tokyo: An International Workshop, 2000; Пономаренко А.Н. Ретроспективные национальные счета России. 1961–1990. М.: Финансы и статистика, 2002.

⁹ Структура ВВП рассчитана на основании показателей в текущих ценах.

огромные физические объемы экспортных поставок. При этом рост доли конечного потребления в ВВП шел исключительно за счет расходов домашних хозяйств, поскольку удельный вес в ВВП государственных расходов и расходов некоммерческих организаций даже упал.

Это и естественно, во всяком случае для периода трансформационного кризиса (1992–1998 гг.), когда и государство, и население старались сохранить прежде всего текущий уровень потребления. Потом выяснилось, что и в период восстановительного роста (1999–2008 гг.) доля расходов на конечное потребление в бюджетах домашних хозяйств не вернулась к до-реформенным показателям. Изменения внушительные, доля расходов на конечное потребление домашних хозяйств выросла в структуре ВВП на 8 п.п. Это уже не только компенсация на поддержание текущего потребления, но в гораздо большей степени изменение образа жизни: меньше инвестиций с тенденцией к повышению их эффективности, расширение ассортимента приобретаемых потребительских товаров, исчезновение товарного дефицита. Но также и определенное недоверие к государству, что выражается в чрезмерном снижении доли долгосрочных инвестиций или же в недостатке предложения привлекательных и доступных для массового потребителя продуктов, например жилья или медицинских услуг.

3.4. Структура доходов домашних хозяйств

Динамика доходов в целом еще не объясняет всех позитивных и негативных изменений в среднем уровне доходной обеспеченности. За описанными тенденциями скрываются весьма неоднозначные изменения роли и значения отдельных компонент доходов в их общей структуре.

В последние годы советского периода структура доходов населения в основном соответствовала стандартам стран, прошедших этап модернизационного индустриального развития, в которых доходы наемных работников являются главным источником (80%) денежных поступлений семей. Принципиальное отличие заключалось в отсутствии предпринимательских доходов и доходов от собственности, доля которых в общем объеме доходов уже в первые годы становления российской рыночной экономики поднялась до 20%. Доступ населения к

данным источникам денежных поступлений стал главным позитивным эффектом рыночных преобразований и обеспечил, несмотря на более чем двукратное падение реальных доходов, лояльность населения к проводимым реформам.

Предпринимательская активность достигала своего максимума в начале рыночных реформ, когда доходы от этого вида деятельности стали составлять 16% от всех доходов населения. Именно эти источники доходов способствовали тому, что в первые годы периодов экономического подъема темпы роста доходов опережали рост заработной платы. Если в 1999 г. новые рыночные виды доходов (предпринимательский доход и доходы от собственности) составляли практически 1/5 часть общего объема доходов, то в 2007 г. их доля упала до 19%. На этапе экономического роста 2000-х годов наметилась тенденция сокращения их удельного веса, развивающаяся на фоне повышения значимости доходов от собственности. Это реакция на усиление прямого вмешательства государства в оперативное управление экономикой. В 2008 г. фиксируется значительное падение доли доходов от собственности вследствие экономического кризиса. В результате совокупная доля доходов от собственности и предпринимательской деятельности в настоящее время составляет примерно 16–17% от всех доходов населения.

3.5. Метод, основанный на покупательной способности среднего дохода («Эксперт»)

Еще яснее полученный вывод подтверждается результатами, полученными исследователями журнала «Эксперт». Они использовали метод, схожий с тем, что применяется при проведении международных сопоставлений на основе паритетов покупательной способности. Напомним, что при этом подходе покупательная способность денежной единицы оценивается по количеству продуктов и услуг, которые могут быть куплены при существующем уровне цен и определенной структуре расходов. Особенность заключается в том, что сравнивались между собой не цены различных стран, а цены в России 1990 и 2008 гг.

Для сравнения выбран последний полный советский год — 1990-й. Этот год достаточно сложен для сопоставления, поскольку характеризуется высокой социальной нестабиль-

ностью, сопровождавшейся дефицитом на потребительском рынке. В этом отношении несколько уместнее было бы выбрать предперестроечный 1985-й или последний стабильный 1988 г. Однако, по мнению исследователей, статистические данные за эти годы не сильно различаются: в 1990 г. зарплаты были уже заметно выше, чем за 5 лет до этого, но инфляция уже отражалась в официальной статистике. Можно предположить, что использование в качестве базы для сопоставления 1990 г. с его более высокой зарплатой, а не более ранних лет, дало небольшое (но абсолютно не принципиальное) преимущество советскому периоду.

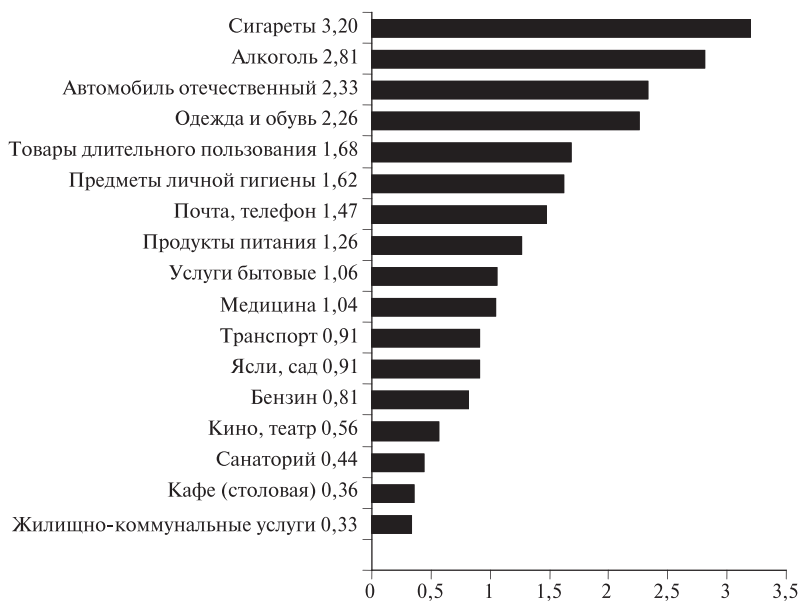
В качестве информации о ценах были взяты данные Госкомстата СССР и Росстата, всего 133 позиции включая товары и услуги, сгруппированные по основным функциональным позициям.

Вначале был рассчитан индекс цен по каждому товару. Затем индексы агрегированы по группам товаров и услуг. Индекс изменения покупательной способности среднего месячного дохода получен агрегированием групповых индексов с использованием долей этих групп в общем потреблении. Для взвешивания был использован так называемый индекс Фишера, т.е. средний из двух, один из которых рассчитан по структуре потребления 1990 г., другой — 2008 г. Именно такой подход применяется при осуществлении расчетов в международной программе сопоставлений на основании паритетов покупательной способности.

Расчет, осуществленный указанным способом, показывает рост покупательной способности среднемесячного дохода в 2008 г. на 45% к уровню 1990 г. Иными словами, результат находится немного ниже середины интервала, полученного при использовании вышеописанных методов, основанных на восстановлении рядов динамики макроэкономических показателей доходов и расходов. Это выглядит реалистично и хорошо согласуется с изложенными выше результатами, поскольку выбранная исследователями «Эксперта» величина среднего дохода не включает тех самых досчетов (доходы в натуральной форме, скрытые доходы и т.д.), которые принято включать в величину соответствующих показателей по методологии СНС.

Помимо общего вывода о почти 50%-ном росте реального среднедушевого дохода были получены и другие, также

очень интересные результаты. На рис. 3.3 приведены данные об изменении покупательной способности среднего дохода по группам товаров. Виден огромный разброс индекса покупательной способности — от 3,2 для сигарет до 0,33 для жилищно-коммунальных услуг. Это означает, что размах изменений относительных цен достигает 9,7 раза. Еще раз отметим, что при таких структурных изменениях оценка любых индексов будет иметь в определенной степени условный характер.

Источник: расчеты исследовательской группы журнала «Эксперт» по данным Госкомстата СССР и Росстата.

Рис. 3.3. Индексы изменения покупательной способности среднедушевого дохода за период 1990–2008 гг. по видам потребительских благ и услуг

Из рис. 3.3 можно понять, за счет чего возросла покупательная способность «среднего» российского гражданина. Лидерство, даже с некоторым отрывом, сигарет, алкоголя и автомобилей заставляет отметить подростковый, по выражению исследователей «Эксперта», характер российской эконо-

мики — пить, курить и гонять на автомобиле (отечественном) стало значительно дешевле. Водка вообще является одним из лидеров относительного удешевления: теперь на средний месячный доход можно купить 171 поллитровую бутылку водки, в то время как в 1990 г. — лишь 33 бутылки (изменение в 5,2 раза). Больше относительное удешевление демонстрируют только палас синтетический и ковер полушерстяной.

Существенный вклад в рост покупательной способности вносят группы товаров «Одежда и обувь» и «Товары длительного пользования». По-видимому, основные факторы удешевления здесь — открытость для импорта товаров длительного пользования экономической границы и огромный рост курса национальной валюты по сравнению с 1990 г.

Продовольствие не дает положительного вклада в рост покупательной способности населения. Хотя на сегодняшний доход можно купить в 1,26 раза больше еды, чем в 1990 г., этот индекс ниже индекса роста покупательной способности дохода (1,45), что означает относительное удорожание продуктов питания.

Сильно подорожали услуги, особенно связанные с активным образом жизни, — кино, театр, кафе, отдых в отпуске, муниципальный транспорт.

Наконец, более всего подорожало обслуживание жилья и коммунальные услуги. Жилищно-коммунальные услуги (набор из шести базовых услуг) стали в 3 раза менее доступны. Напомним, что эти услуги в значительной степени дотировались в советское время, поэтому рост затрат на них неизбежен; кроме того, он был в значительной степени связан с увеличением фактических объемов потребления этих услуг. (Более подробно вопросы, связанные с потреблением жилищно-коммунальных услуг, изложены в параграфе 5.3.)

Изменилась сама структура потребительских расходов домохозяйств. Доля расходов на покупку продуктов для домашнего питания (без алкоголя) незначительно снизилась — с 31,5% в 1990 г. до 29,1% в 2008 г.; при этом в 1990-е годы этот показатель доходил до 52% (1999 г.). Доля расходов на непродовольственные товары снизилась более существенно (с 45,8 до 40,9%), что неудивительно, учитывая рост ценовой доступности большинства непродовольственных товаров. Наиболее принципиальный сдвиг — рост доли расходов на оплату услуг: если в 1990 г. она составляла лишь 13,1% потребительских расходов, то в 2008 г. — 25,5%. При этом наиболее сильно выросла

доля расходов на базовые услуги, связанные с жизнеобеспечением семей: на оплату жилищно-коммунальных услуг — с 3,1% в 1990 г. до 7,7% в 2008 г. Доля расходов на оплату услуг пассажирского транспорта выросла менее значительно, с 2,6 до 3,1%, вероятно, в связи с сокращением потребления необязательной части таких услуг. Муниципальный транспорт подорожал в разы.

Метод оценки по покупательной способности среднего дохода имеет ряд существенных преимуществ перед прочими:

1) этот метод использует подход, основанный на доступности потребления, т.е. исследуется, сколько товаров и услуг можно купить на некую среднюю заработную плату. Такой подход теоретически приветствуется (см. упоминавшийся выше доклад комиссии Стиглица) и достаточно широко используется в статистических исследованиях, направленных на изучение уровня жизни;

2) здесь не используются цепные индексы цен, которые были крайне ненадежны, во всяком случае в начале 1990-х годов, и не выстраиваются динамические ряды. Используются только крайние точки. Это повышает достоверность результатов;

3) метод не является макроэкономическим. То есть результаты не претендуют на сбалансированность и на сопоставимость полученных показателей с другими показателями. Однако фактически полученные результаты не противоречат другим исследованиям;

4) индекс «Эксперта» интуитивно понятен.

Конечно, этот показатель, как и всякий другой, имеет недостатки. Нельзя ждать от него больше, чем он может дать. С помощью этого показателя можно оценить общую тенденцию, но не более того. Было бы неправильно делать макроэкономические выводы на его основе, потому что он не учитывает многого — изменения социальной структуры общества и структуры потребления, исчезновения дефицита, нерыночных услуг, натурального потребления. Он вообще никак не учитывает вероятности того, что часть доходов может быть потрачена на накопление. Для более тщательной оценки следует искать другие показатели.

Тем не менее пусть лучше будет показатель, который по определению учитывает не все, но реалистично.

3.6. Промежуточный итог: оценки изменений уровня текущего потребления домашних хозяйств в России за последние 20 лет

Выше были приведены результаты оценки изменения уровня жизни российских домашних хозяйств за последние 20 лет, выполненные тремя разными методами. В табл. 3.3 они объединены.

Таблица 3.3. Изменения уровня жизни домашних хозяйств России в 1989–2009 гг.

Метод	Рост в процен-тах, % к исход-ному году	Средне-довой рост за период
Метод реальных денежных доходов	127,2	7,06
Метод системы национальных счетов	209,2	10,46
Метод оценки покупательной способности среднего дохода	145,0	8,05

Источник: собственные расчеты.

Эти данные касаются текущего потребления. Соответственно оценка потребления жилищных услуг присутствует здесь только в объеме жилищно-коммунальных платежей.

Каждый метод имеет свои погрешности. С их учетом мы считаем возможным принять, что за 1989–2009 гг. уровень текущего потребления в России повысился примерно на 45–50%, это близко к оценке третьим методом. Тем самым качественно результат свидетельствует о том, что в среднем уровень жизни за этот период не только не снизился по сравнению с советским временем, как считают многие, но и вырос почти в 1,5 раза. Снижение наблюдалось с 1990 по 1999 г., и в последующие 10 лет оно было с избытком компенсировано. При этом объем ВВП в 2009 г. по сравнению с 1991 г. составил примерно 108%. Разница в пользу уровня жизни сложилась в основном вследствие снижения доли накопления и аномального роста цен на экспортируемые углеводороды. В целом же надо иметь

в виду, что в течение 1990-х годов Россия пережила тяжелейший трансформационный кризис, но в результате экономика перешла от плана к рынку, сложилась структура рыночной экономики. Она и российский бизнес, использовавший ее возможности, обеспечили восстановительный рост и повышение уровня благосостояния в указанных размерах. Можно констатировать, что рыночная экономика тем самым, при всех своих дефектах, оправдала себя, доказала свою жизнеспособность. В меньшей степени это можно записать на счет экономической политики.

4. Сопоставление натуральных показателей благополучия и образа жизни

4.1. Особенности анализа натуральных показателей

Натуральные показатели отличаются от стоимостных показателей тем, что их нельзя напрямую агрегировать. Можно, конечно, выразить продукты питания в калориях и затем просуммировать, но даже калории нельзя суммировать с телевизорами и количеством койко-мест в больницах. Поэтому не следует надеяться получить при помощи анализа натуральных показателей ответ на вопрос, повысился уровень благополучия или нет. Однако можно попытаться выяснить, что именно изменилось, в какую сторону и насколько.

Советские люди, строго говоря, не бедствовали. В СССР не было голода, население было обеспечено нерыночными услугами здравоохранения и образования, причем не самого плохого качества, практически бесплатным жильем. Помимо того, в СССР не было безработицы. Зато были дефицит практически всех потребительских товаров, их невысокое качество, вызванное отсутствием конкуренции, низкий уровень обеспеченности товарами, которые по советским стандартам можно условно назвать излишествами, — автомобилями и т.д. Был также вечный квартирный вопрос, который испортил не одно поколение советских людей.

Задача нашего исследования заключается в том, чтобы попытаться выяснить, каким образом эта ситуация изменилась не на уровне макроэкономических выкладок, а на уровне изменения простых и понятных каждому натуральных показателей.

4.2. Продовольственные товары

Было бы неправильно говорить о недостатке продуктов питания, о массовом недоедании или о голоде применительно к России. Этого не было ни в 1989-м, ни в 2008 г. Речь о голоде реально не шла даже в начале 1990-х годов, когда все показатели

благосостояния резко упали. Россияне стали больше производить фруктов и овощей для собственного потребления в рамках неформальной экономической деятельности, но массовых проблем с фактическим потреблением продуктов питания не было.

Вернее будет говорить о несбалансированном питании. Питание россиян не было сбалансированным ни накануне преобразований, ни в конце 2000-х годов. Структура потребления некоторых продуктов питания улучшилась: например, выросло потребление мяса, фруктов, а потребление картофеля, хлеба и сахара, напротив, снизилось. В других направлениях структура питания стала менее уравновешенной; так, снизилось потребление рыбы (табл. 4.1).

Таблица 4.1. Среднегодовое потребление основных продуктов питания, кг

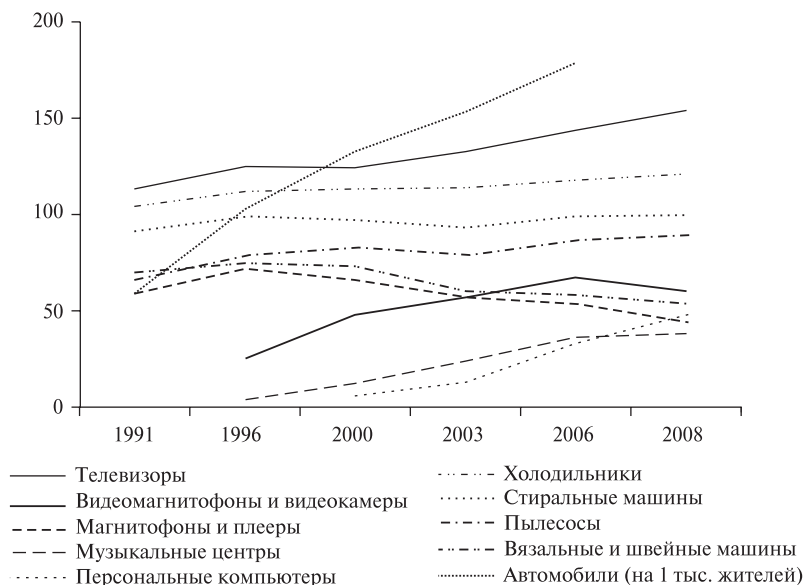
Основные продукты питания	Россия		США	
	1989 г.	2009 г.	1989 г.	2004 г.
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо (без сала и субпродуктов)	69	73,5	113	120
Молоко и молочные продукты (включая животное масло) в пересчете на молоко	396	256,2	263	266
Яйца, шт.	309	211	229	256
Рыба и рыбопродукты в товарном весе	21,3	20,3	12,2	11
Сахар	45,2	31,4	28	28
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, мука, крупа, бобовые)	115	99,3	100	90
Картофель	106	67,1	57	64
Фрукты и ягоды	35	63,9	95	121

Источник: данные Росстата.

В целом же состав потребляемых продуктов питания в настоящее время выглядит более здоровым, чем до начала реформ. Вероятно, можно также говорить о росте качества потребляемых продуктов питания и о большей их доступности при отсутствии дефицита.

4.3. Потребительские товары длительного пользования

Приведенный ниже график (рис. 4.1) показывает динамику обеспеченности населения России важнейшими видами товаров длительного пользования.

Источник: данные Росстата.

Рис. 4.1. Изменение обеспеченности населения товарами длительного пользования (на 100 домашних хозяйств)

Обеспеченность потребительскими товарами длительного пользования в настоящее время выше, чем до начала реформ. Снижается только обеспеченность вязальными и швейными машинами, а также магнитофонами, что легко объяснить изменениями в потребительских предпочтениях покупателей. Можно сказать, что по обеспечению населения большинством товаров длительного пользования (кроме автомобилей и компьютеров) Россия находится близко к уровню насыщения, и речь в дальнейшем может идти в основном о повышении каче-

ства этих товаров. Однако и сейчас можно уверенно говорить о том, что качество товаров длительного пользования, находящихся в пользовании российских семей, гораздо ближе к качеству товаров в странах с высоким уровнем благосостояния, чем в конце 1980-х годов.

Интересно отметить, что объем продаж товаров длительного пользования достиг уровня 1990 г. только к 2000–2003 гг. Между тем 1990 г. люди воспринимали как год дефицита, а 2000 г. — как год изобилия. Это связано с появлением рыночной экономики и ценами равновесия, ограничивающими спрос, и с ростом предложения товаров и брендов на рынке, с появлением техники мирового качества. Было продано столько же товаров, сколько в 1990 г., но не надо было искать их в магазине — напротив, выбор потребителя усложнился.

5. Инвестиции и услуги

5.1. Потребление образовательных услуг

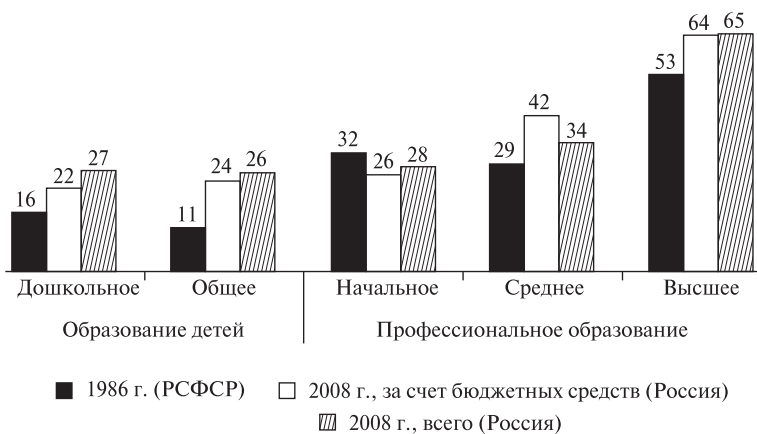
Введение этой главы, посвященной товарам и услугам, не входящим в состав текущего потребления, мотивировано тем, что без них сопоставление уровней благосостояния в принципиально различающихся социально-экономических системах представляется неполным, а данные текущего потребления — недостаточными и, возможно, завышающими результаты рыночной экономики. Дело в том, что, по общему убеждению, до реформ жилье представлялось бесплатно (за исключением узкого сектора жилищных кооперативов и индивидуальных домов в селах и малых по преимуществу городах); услуги образования и здравоохранения также были бесплатными, по крайней мере формально. Какие-либо частные расходы в этих секторах все равно никто не учитывал. Убеждение в бесплатности до реформ жилья и указанных услуг истолковывается как фактор снижения уровня жизни населения в рыночной экономике.

Построить грамотное сопоставление жилищной обеспеченности, уровня образовательных и медицинских услуг для столь разных условий — дело чрезвычайно сложное, им прежде практически никто не занимался. Тем не менее авторы настоящего доклада дерзнули приступить к решению этой задачи в надежде, что другие исследователи подхватят эту рискованную затею.

За последние 20 лет, главным образом под воздействием демографических процессов, произошло сокращение численности посещающих детские сады и школы. Наряду с этим наблюдалось сокращение охвата детей детским дошкольным образованием. Под воздействием изменившихся предпочтений населения и произошедших институциональных преобразований в системе профессионального образования существенно снизился охват молодежи начальным профессиональным образованием, возрос охват высшим образованием. Удельный вес численности студентов вузов в общей численности получающих профессиональное образование возрастал, главным образом за счет платного высшего образования. Но опасность

состояла в том, что платность стимулировала рост численности студентов и снижение качества образования. К этому надо добавить, что кризис в промышленности сократил спрос на технические специальности, необходимые структурные сдвиги приводили к немалым потерям. Это затрудняет сопоставление уровней образования сейчас и 20 лет назад.

За прошедшие 20 лет россияне стали тратить больше средств на образование всех уровней (рис. 5.1). Наиболее существенным оказался рост средств в расчете на одного обучающегося, направленных в школы и вузы.

Источник: расчеты автора по данным Росстата и ведомственной статистики.

Рис. 5.1. Относительные затраты на одного обучающегося (к среднегодовой заработной плате в экономике), %

Для обеспечения сопоставимости данных о стоимости обучения в конце 1980-х и в конце 2000-х годов затраты на одного обучающегося рассматривались по отношению к среднегодовой заработной плате в экономике (далее — относительные затраты). На всех уровнях образования, за исключением начального профессионального образования, наблюдается рост относительных затрат на одного обучающегося. Относительные затраты на воспитание ребенка в детском саду из бюджетных средств увеличились с 16 до 22%, а с учетом средств населения — до 27%. Прирост относительных затрат на обучение в школе составил более 110% и к концу 2000-х годов установился

на уровне 24%, если учитывать только бюджетные средства, и 26%, если учитывать и средства населения. В системе начального профессионального образования относительные бюджетные затраты на одного обучающегося снизились с 32 до 26%, а совокупные относительные затраты в конце 2000-х годов составили 28%. Приросты относительных бюджетных затрат на одного бюджетного студента в среднем профессиональном и высшем образовании возросли с 29 и 53% на 13 и 11 п.п. соответственно. В среднем профессиональном образовании общие относительные затраты на одного обучающегося оказались на 9 п.п. ниже бюджетных затрат на одного бюджетного студента. Это обусловлено тем, что средняя стоимость платного обучения по программам среднего профессионального образования в конце 2000-х годов была в среднем ниже бюджетных расходов на обучение одного бюджетного студента по соответствующим программам. В высшем образовании различий в общих относительных затратах на одного обучающегося и в бюджетных затратах на одного бюджетного студента не наблюдается — средняя стоимость обучения в вузах на местах с полным возмещением затрат сопоставима со средними бюджетными расходами в расчете на одного бюджетного студента.

Методики для прямого сопоставления качества обучения в школе за прошедшие 20 лет, к сожалению, не существует. Вместе с тем международные тесты освоения базовых навыков и знаний свидетельствуют о росте результативности в младшей школе и о ее снижении — в средней. Рост популярности высшего образования привел к существенному увеличению удельного веса работников с высшим образованием в общей численности занятых. Одна из причин популярности высшего образования — высокая премия за образование, т.е. прирост доходов в результате обучения в вузах. За 20 лет премия за высшее образование увеличилась почти в 3 раза. Между тем отдача от образования, учитывающая затраты на подготовку к поступлению и непосредственно на обучение в вузах, возросла в конце 1980-х — начале 1990-х годов примерно в 2 раза и до настоящего момента изменилась незначительно.

Отмеченные перемены говорят о многом. С одной стороны, семьи вынуждены с каждым годом все больше тратить на образование, и это воспринимается как минус по сравнению с концом 1980-х годов. Но это также означает, что семьи готовы тратить средства на образование и имеют возможность делать

это, что, по нашему мнению, является очень положительным признаком. Во-первых, в сознании все большего количества россиян произошел сдвиг в сторону понимания того, что лучшее образование означает возможность лучшей жизни в будущем, т.е. затраты на образование детей рассматриваются как инвестиции. Во-вторых, появившаяся возможность тратить существенные средства на образование указывает на общий рост благосостояния, потому что расходы на образование не считаются первоочередными расходами, как, к примеру, расходы на питание. Но все же упомянутая опасность заставляет осторожно относиться к количественным признакам успеха. Пока имеющийся материал не дает оснований для слишком оптимистических оценок. В лучшем случае можно констатировать, что в этом сегменте уровень благосостояния населения России не ухудшился.

5.2. Потребление услуг здравоохранения

Серьезный позитивный сдвиг последних двух десятилетий — появление новых возможностей лечения заболеваний. Получили широкое распространение новые медицинские технологии, основная часть которых основана на импортном медицинском оборудовании. Ушли в прошлое бесплодные поиски необходимых лекарств, сегодня их можно купить в аптеках. Новые методы диагностики и лечения повысили потенциал медицины в борьбе с наиболее «смертоносными» заболеваниями. То, что раньше было достоянием лишь верхушки общества, обслуживаемой в закрытых медицинских учреждениях, стало физически доступно для значительной части населения, по крайней мере для городских жителей.

Возросший шанс выживания при наличии серьезных заболеваний — несомненный результат политики открытых границ, вовлечения российского здравоохранения в мировые медико-технологические процессы. Без этих фундаментальных изменений наше отставание от мирового развития медицины было бы еще более значительным.

В то же время финансовые условия получения медицинской помощи заметно ухудшились — как результат недостаточного финансирования отрасли. Расходы государства (бюджет и обязательное медицинское страхование) в неизменных ценах устойчиво снижались и лишь в 2006 г. вышли на уровень 1994 г. (рис. 5.2).

В последние годы государство сделало достаточно серьезные вложения в здравоохранение, но по отношению к ВВП эти расходы остаются практически на неизменном уровне (рис. 5.3) и существенно уступают расходам западноевропейских стран (3,2% в 2009 г. по сравнению с 6–9% в большинстве стран ЕС).

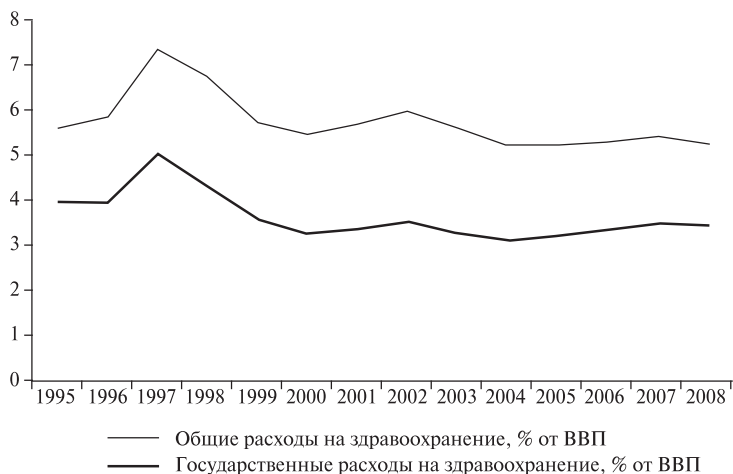
Сокращение государственного финансирования происходило на фоне повышения потребностей населения в медицинской помощи. За 1990–2008 гг. общая заболеваемость на 100 тыс. населения выросла на 45%, первичная заболеваемость — на 19%. Особенно быстро росла заболеваемость онкологическими (на 85%) и сердечно-сосудистыми (в 2,3 раза) заболеваниями, требующими особенно значительных расходов на лечение. Потребность в дополнительных финансовых средствах также повышалась в силу постарения населения.

Источник: расчеты С.В. Шишкина по данным Росстата и Федерального фонда ОМС с использованием индексов-дефляторов ВВП.

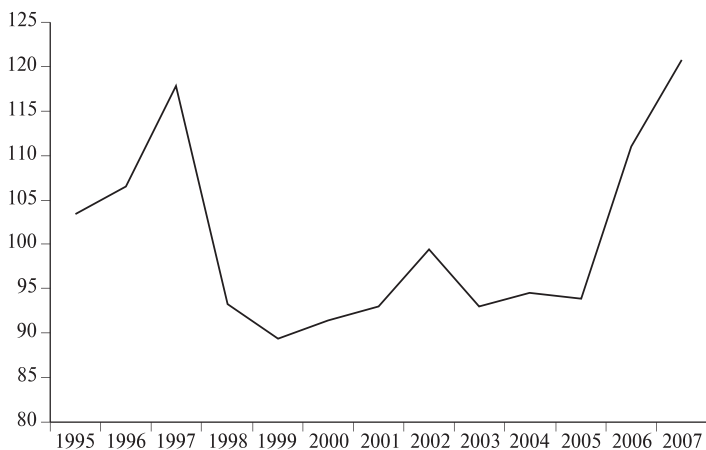
Рис. 5.2. Государственные и частные расходы на здравоохранение в ценах 1994 г., млрд руб.

Разнонаправленная динамика потребностей населения и государственного финансирования здравоохранения привела к тому, что располагаемые общественные ресурсы в расчете на случай заболеваний за 1994–2005 гг. сократились на 10% и лишь в последующие годы стали расти (рис. 5.4).

Источник: данные ВОЗ.

Рис. 5.3. Расходы на здравоохранение по отношению к ВВП, %

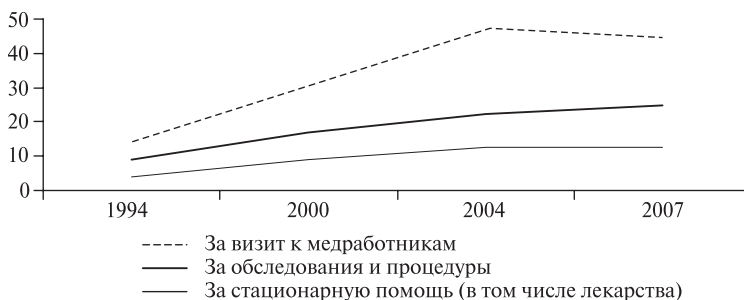

Источник: рассчитано по данным Росстата. Заболеваемость характеризуется числом случаев заболеваний, выявленных (или взятых под диспансерное наблюдение) в течение года при обращении в медицинское учреждение.

Рис. 5.4. Динамика государственного финансирования здравоохранения в расчете на одного зарегистрированного больного, руб. на зарегистрированного больного

Нехватка государственных средств компенсировалась наращиванием частных расходов. За 1994–2007 гг. их объем в неизменных ценах увеличился почти в 8 раз (см. рис. 5.2 на с. 35). Вплоть до 2005 г. росла доля пациентов, платящих за лечение в медицинских учреждениях, и лишь в последние годы этот процесс несколько замедлился (рис. 5.5).

Столь значительный рост частных расходов в какой-то мере отражает реакцию населения на предложение новых медицинских услуг и лекарственных средств. Для части населения с доходом выше среднего оплата медицинской помощи является средством получения более качественной медицинской помощи. Имеет значение и рост ответственности населения за свое здоровье. Надежда только на государство уступает место сочетанию государственной и личной ответственности за состояние здоровья. К этому следует добавить рост понимания работодателями необходимости вкладывать средства в поддержание здоровья работников в форме прямой покупки медицинских услуг для персонала или приобретения полисов добровольного медицинского страхования. Уместно заметить, что аналогичные процессы идут во многих западных странах с традиционно социализированной медициной, например в Скандинавских странах.

Источник: рассчитано Е.В. Селезневой по данным RLMS-HSE, 5 (1994), 9 (2000), 13 (2004), 16 (2007) раундов.

Рис. 5.5. Доля пациентов, плативших за различные виды медицинской помощи в 1994–2007 гг., %

Тем не менее есть все основания считать, что развитие платной медицины в России существенно вышло за рамки социально приемлемого сочетания государственного и личного финансирования. Для большинства населения оплата медицинской помощи — вынужденная мера, связанная с тем, что получить необходимую помощь бесплатно становится все сложнее. В отличие от потребления образовательных услуг, складывающегося на основе рациональных предпочтений в пользу вложений «в будущее», потребление медицинских услуг в большинстве случаев носит императивный характер: физическое состояние человека диктует необходимость медицинского вмешательства, за которое он вынужден платить. Именно поэтому в развитых странах четко прослеживается тенденция к повышению уровня финансовой защиты населения от больших расходов на медицинскую помощь — прежде всего на основе повышения государственного финансирования здравоохранения. Средняя доля частного финансирования в совокупных расходах на медицинскую помощь в странах ЕС составляет 24%, а в некоторых странах не превышает 10–15%. В России, по данным ВОЗ, этот показатель составляет 40%, а по оценкам российских исследователей, — 45–50%. При этом наиболее значительное бремя расходов на лечение вынуждены нести наименее обеспеченные группы населения. Доля таких расходов в доходах низшего квинтиля домохозяйств в 1,5 раза выше, чем в расходах высшего квинтиля.

К этому следует добавить нерациональность форм личных платежей за медицинские услуги. Доминируют платежи в момент потребления медицинских услуг, а ДМС развито относительно слабо (взносы на ДМС составляют лишь 25% по отношению к объему платных медицинских услуг). Приобретение платных услуг предполагает оплату их полной стоимости, в то время как в западных странах (а в последние годы и во многих постсоветских странах) население не платит, а доплачивает за медицинскую помощь — действует система небольших по размеру соплатежей пациентов.

Основная часть платных услуг оказывается в государственных учреждениях, а не в частных медицинских организациях, поэтому пациент нередко вынужден платить за низкую эффективность их деятельности. Даже за плату далеко не всегда можно получить качественное лечение, поскольку системы

контроля качества не распространяются на платные услуги. Существует проблема необоснованного потребления, связанного с назначением не очень нужных услуг, оплачиваемых самим пациентом («спрос, спровоцированный предложением»). Обычные для западных стран механизмы сдерживания затрат и контроля за мерой платности через систему ДМС в российском здравоохранении пока не получили широкого распространения. Это определяет сдержанное отношение общества к платной медицине: там лучше, но никто ничего не гарантирует и могут ободраить до нитки.

Другие постсоветские страны также столкнулись с проблемой острой нехватки государственных средств и нарастания платности медицинской помощи. Но некоторые из них (Эстония, Чехия, Венгрия, Болгария, страны бывшей Югославии) противопоставили этому меры по повышению структурной эффективности отрасли. Возникли новые формы организации медицинской помощи, которые повысили ее доступность и качество (например, повысилась роль врача общей практики, возник частный сектор здравоохранения, усилилась преемственность лечения на разных уровнях оказания помощи, оптимизирована сеть больничных учреждений). В России этого не произошло. Советская система осталась практически без изменений, а некоторые ее позитивные характеристики (центральная роль первичного звена здравоохранения, этапность в оказании медицинской помощи) во многом утрачены.

Таким образом, потребление услуг здравоохранения за последние два десятилетия характеризуется новыми возможностями лечения многих заболеваний. Но их реализация в растущей мере зависит от платежеспособности человека. Нарастающая платность медицинской помощи, хотя и отражает новые потребительские приоритеты обеспеченной части общества, тем не менее вышла за разумные пределы и не является гарантией высокого качества лечения.

5.3. Обеспеченность жильем

В СССР одним из наиболее очевидных дефицитов был дефицит жилья. К 2009 г. в стране были проведены основные реформы в жилищной сфере, включая массовую бесплатную приватизацию жилья, сформирован достаточно развитый рынок жилья,

начало развиваться ипотечное жилищное кредитование. Тяжело и мучительно идут реформы в сфере жилищно-коммунального хозяйства, в том числе снижение размеров бюджетного дотирования предоставления жилищно-коммунальных услуг и поддержка лишь наиболее низкодоходных семей, передача управления многоквартирными домами объединениям собственников жилья и формирование рынка профессиональных управляющих компаний.

Однако, несмотря на это, в итоге необходимо оценить, привели ли указанные преобразования к повышению уровня удовлетворения жилищных потребностей населения, какие группы населения выиграли, а какие проиграли в результате указанных преобразований.

Проведение такого сопоставления весьма сложно с методологической точки зрения. Особую методологическую сложность представляет собой сравнительная оценка возможностей улучшения жилищных условий, поскольку за рассматриваемый период произошли кардинальные изменения в наборе способов улучшения жилищных условий, которые трудно сопоставимы.

Проведенное исследование основывается, в первую очередь, на статистических данных, сбор и обработку которых осуществляет государственный орган государственной статистики (в 1989 г. — Госкомстат, в 2009 г. — Росстат), результатах переписи населения 1989 и 2002 гг., данных выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств. В случае отсутствия данных были использованы авторские экспертные оценки, основанные на определенных гипотезах, а также экспертные оценки иных исследователей из публикаций соответствующего периода. В некоторых случаях использован метод ключей (кейсов), например, при отсутствии информации для сравнения на общероссийском уровне рассчитывались сопоставимые показатели для Москвы.

В случаях, когда прямое сопоставление показателей оказывается невозможным из-за отсутствия соответствующих институтов, в рамках данного исследования используются методы построения абстрактного (воображаемого) института с характеристиками действовавшего в 1989 или 2009 г. Такой подход, в частности, применялся при оценке доли семей, которые имеют возможность приобрести жилье с помощью собственных и заемных средств, в отношении ситуации 1989 г.

Для учета изменения покупательной способности денег за прошедшие 20 лет стоимостные показатели анализировались после их нормировки. Так, например, анализ изменения стоимости приобретения или аренды жилья осуществлялся путем соотношения данных показателей к доходам населения.

В результате проведенного исследования были сформулированы следующие выводы, касающиеся изменения обеспеченности жильем, потребления жилищно-коммунальных услуг.

За рассматриваемый период произошло существенное увеличение обеспеченности населения общей площадью жилья в расчете на человека, которая увеличилась на 40% в целом по России, в том числе на 44% в городской местности. Увеличился показатель не только средней, но и медианной обеспеченности общей площадью жилья, которая возросла примерно на 30%. В несколько меньшей степени — на 28% — увеличилась обеспеченность жилыми помещениями (жилыми единицами) в расчете на 1 тыс. человек. Рост обеспеченности общей площадью жилья на 15% определяется фактором снижения численности населения Российской Федерации в рассматриваемом периоде и на 85% — факторами увеличения объема жилищного фонда.

Динамика прироста обеспеченности общей площадью жилья в период 1989–2009 гг. по сравнению с периодом 1980–1990 гг. практически не изменилась. Статистически можно говорить о небольшом увеличении среднегодового прироста с 0,3 до 0,32 кв. м на человека в год, однако с учетом изменения демографических тенденций можно констатировать снижение среднегодового прироста обеспеченности общей площадью жилья до 0,275 кв. м на человека в год. При этом произошло значимое увеличение среднегодового прироста обеспеченности общей площадью жилья городского населения (с 0,24 до 0,34 кв. м на человека в год) и снижение среднегодового прироста обеспеченности ею сельского населения (с 0,44 до 0,26 кв. м на человека в год).

На основании имеющихся оценок можно с достаточной уверенностью утверждать, что обеспеченность общей площадью жилья возросла во всех доходных группах домохозяйств. При этом обеспеченность общей площадью жилья в 2009 г. во всех доходных группах, за исключением нижнего дециля распределения населения по среднемудушевым доходам, превысила среднероссийский уровень обеспеченности в 1989 г.

При сокращении крайних форм жилищного «недопотребления» (менее 40% от среднего уровня обеспеченности общей площадью жилья) увеличилась доля домохозяйств с относительно невысоким уровнем обеспеченности — от 40 до 60% от среднего уровня. Доля домашних хозяйств с обеспеченностью общей площадью жилья, превышающей среднюю более чем на 25%, снизилась за рассматриваемый период от 31,5 до 26,7%.

Произошло улучшение качественных характеристик потребляемого жилья за счет увеличения доли жилищного фонда, обеспеченного отдельными видами коммунальных услуг, а также уменьшения доли коммунальных квартир в жилищном фонде (от 6,1 до 1,6%). Влияние этих факторов по своему воздействию оказалось сильнее влияния фактора ухудшения потребительских качеств жилищного фонда, вызванного его старением и сокращением объемов капитального ремонта.

Оценка предложенного авторами интегрального индекса динамики потребления жилья, учитывающего все указанные количественные и качественные характеристики потребляемого жилья, позволяет говорить о росте объема потребления жилья в рассматриваемом периоде в расчете на одного человека на 35%.

Доли домохозяйств в 2009 г., которые выиграли или проиграли от изменения возможностей улучшения жилищных условий по сравнению с 1989 г., по нашим оценкам, примерно одинаковые — 20 и 17,5% от всех домохозяйств соответственно. В числе проигравших в основном оказались домохозяйства с низким уровнем обеспеченности общей площадью жилья и низкими доходами, в числе выигравших — домохозяйства с более высоким уровнем обеспеченности и более высокими доходами.

Также существенно не изменилось общее число семей, ежегодно улучшающих жилищные условия, их численность и доли остаются на сопоставимом уровне: 1,8–1,9 млн, или около 4% семей ежегодно. Однако распределение по видам улучшения жилищных условий существенно изменилось. Участие государства в содействии гражданам в улучшении жилищных условий резко сократилось: если в 1989 г. доля очередников среди всех семей, улучшивших жилищные условия, составила 73%, то в 2009 г. — только 6,6% (131 тыс. из 1991 тыс. семей).

Соотношение доходов населения и цен на жилье не изменилось кардинальным образом. При использовании кон-

сервативных (наименьших) оценок цены жилья в 1989 г. (по тем сегментам, где в тот период существовали рыночные или квазирыночные отношения) расчеты показывают ухудшение указанного соотношения на 43% (соотношение доходов и цен в 2009 г. составило 0,57 от их соотношения в 1989 г.). Использование средних или верхних значений из имеющегося диапазона оценок рыночной цены жилья в 1989 г. показывает изменение указанного соотношения к 2009 г. в диапазоне 0,74–0,93.

Соотношение доходов населения и стоимости строительства индивидуального жилья (при расчете стоимости строительства условного жилого дома общей площадью 100 кв. м) также ухудшилось, составив в 2009 г. 0,78 от соотношения в 1989 г. При этом средний размер построенного в соответствующем году индивидуального жилого дома увеличился почти в 2 раза — с 70,6 до 135,9 кв. м.

В 1989 г. подавляющее большинство семей из группы семей, имеющих возможность вступить в ЖСК или получить земельный участок для индивидуального жилищного строительства, обладали доходами, достаточными для осуществления платежей по соответствующим кредитам. Однако необходимость оплаты первоначального взноса, практически единственным источником которого в условиях 1989 г. являлись сбережения населения, обуславливала доступность таких кредитов только для 20% населения, имевшего необходимые сбережения. В условиях 2009 г. резко возросли возможности оплаты первоначального взноса за счет продажи находящегося в собственности жилого помещения, полученного в результате бесплатной приватизации жилья.

Доля домохозяйств, имеющих возможность приобрести стандартное жилье за счет собственных и заемных средств, увеличилась почти в 2 раза — с 10 до 19%. При этом фактическое число семей, ежегодно получающих жилищные кредиты, увеличилось незначительно — с примерно 150 тыс. до 178,3 тыс. в год.

Доля семей, имеющих возможность переехать в жилое помещение с дополнительной комнатой площадью 18 кв. м (в условиях 1989 г. — через обмен с доплатой за счет сбережений, в условиях 2009 г. — путем заключения сделок купли-продажи жилого помещения и получения ипотечного кредита), увеличилась почти в 3 раза — с примерно 20 до 57,7% населения.

Доля расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг в расходах домохозяйств в 2009 г. увеличилась примерно на 2/3 от уровня 1989 г. Данное увеличение в значительной степени было связано с увеличением обеспеченности общей площадью жилья и коммунальными услугами. Оценка расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг за сопоставимую жилую единицу показывает, что при таком расчете бремя жилищно-коммунальных платежей увеличилось в рассматриваемом периоде не более чем на 20%. В то же время для значительной части населения, основным источников доходов которого являются зарплаты и пенсии, доля расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг за сопоставимую квартиру увеличилась примерно в 1,5 раза.

Таким образом, несмотря на кардинальные изменения системы институтов жилищной сферы (включая институты обеспечения жильем населения), произошедшие за последние 20 лет, а также резкое уменьшение масштабов участия государства в жилищной сфере (включая сферу финансирования жилищного строительства и жилищно-коммунального хозяйства), многие сопоставимые ключевые параметры, характеризующие функционирование жилищной сферы и потребления жилья населением, изменились несущественно. Такое положение объясняется тем, что в рассматриваемый период развитие рыночных отношений в жилищной сфере смогло в значительной степени заместить «уход» из данной сферы государства.

Развитие рынка жилья и снятие с переходом к рыночной экономике существовавших в советский период ограничений обеспечило большее количество возможных стратегий улучшения жилищных условий, возможность лучшего учета потребностей и предпочтений семей при таких улучшениях.

Расширение возможности выбора, безусловно, прежде всего связано с увеличением количества собственников жилых помещений (в первую очередь, в результате бесплатной приватизации жилья), имеющих полный набор прав по распоряжению своим имуществом. Однако следует учитывать, что ранее наниматели жилья в государственном и муниципальном жилищном фонде обладали (и в значительной степени продолжают обладать) весьма широким набором прав, в ряде случаев приближающихся к характеристикам прав собственности.

Резкое падение объемов жилищного строительства (к началу 2000-х годов его объемы упали более чем в 2 раза по срав-

нением с 1989 г. и до настоящего времени не восстановились) было компенсировано лучшим использованием возможностей, предоставляемых вторичным рынком жилья, резкий толчок развитию которого дало снятие всех ограничений на количество жилых единиц в собственности. Это привело к более эффективному потреблению существующего жилищного фонда. Если в 1989 г. со вторичным рынком жилья, который в тот период был, в основном, представлен квазирынком обмена жилья, было связано 33% улучшения жилищных условий, то в 2009 г. — уже 65%. В целом доля улучшивших жилищные условия рыночными способами составила в 1989 г. 27%, а в 2009 г. — 93,4%.

Кроме того, снятие ограничений на приобретение земельных участков в собственность и на индивидуальное жилищное строительство создало условия для резкого увеличения такого строительства, а для многих семей — для изменения самого образа жизни.

Не менее важным фактором существенного расширения возможностей выбора при реализации жилищных стратегий является переход от квазирыночных к полноценным рыночным отношениям: жилье стало предметом легального рыночного оборота. Если в 1989 г. будущий наниматель жилого помещения мог выбирать между 3–4 смотровыми ордерами либо несколькими вариантами цепочек обмена/обмена с доплатой, то сегодня для собственника практически нет ограничений в выборе жилья, выставленного на продажу на первичном или вторичном рынке (а также в участии в проектах долевого строительства жилья).

Кроме того, реальный выбор жилого помещения собственником повлиял на качество предложения на первичном рынке жилья, которое в большей степени учитывает предпочтения потребителей, а переход к предоставлению жилищно-коммунальных услуг за счет потребителей — на улучшение качества жилищно-коммунального обслуживания (при всех сохраняющихся недостатках в данной сфере).

Переход к рыночным процентным ставкам жилищного кредитования был компенсирован расширением доступа к жилищному кредитованию для всех категорий семей (а не только получивших земельный участок для индивидуального жилищного строительства либо вступивших в жилищно-строительный кооператив), а также возможностью использовать продажу занимаемого жилого помещения для оплаты первоначального взноса по кредиту.

Средний срок ожидания предоставления жилого помещения для семей, состоящих сегодня на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, увеличился более чем в 2,5 раза и достиг 19,3 года. Однако доля семей, состоящих на таком учете, сократилась в рассматриваемом периоде в 5 раз — это означает, что большинство семей данной категории нашли возможность улучшить жилищные условия без помощи государства.

В то же время переход к рыночным отношениям не привел пока к качественному улучшению ситуации в жилищной сфере. Перспективы улучшения жилищных условий не изменились для почти 60% домохозяйств: ни в 1989 г., ни в 2009 г. для таких домохозяйств не существовало реальных возможностей улучшения жилищных условий; при этом количество выигравших и проигравших в результате перехода к рыночным отношениям пока, по нашим оценкам, оказалось примерно равным. Также развитие рыночных отношений не привело пока к увеличению жилищной мобильности населения. Кроме того, собственникам жилых помещений в многоквартирных домах, несмотря на повышение их расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг, на практике пока еще не в полной мере предоставлены права контролировать такие расходы и повышать их эффективность, несмотря на формальные возможности самостоятельно-го управления многоквартирными домами.

5.4. Приватизация

Выше уже не раз говорилось, что в качестве обобщающей оценки уровня благосостояния принято использовать показатели доходов или соответствующих расходов домашних хозяйств. Такой подход является вполне обоснованным, но в некоторые моменты становятся существенными иные факторы, которые оказывают значительное влияние на уровень благосостояния, хотя не всегда прямо и немедленно. Именно такое время переживала Россия в исследуемый нами сегодня период, но эта ее особенность почему-то не принимается во внимание. В частности, используемые в статистике показатели доходов никак не учитывают приватизацию.

Вероятно, российская приватизация была проведена не самым правильным образом, но нельзя отрицать тот факт, что в ее ходе домашним хозяйствам были безвозмездно переданы

активы, обладающие астрономической стоимостью. Квартиры в Москве, земля на Рублевском шоссе, доли в стоимости богатейших компаний, контролируемых крупнейшие в мире залежи полезных ископаемых, потенциально стоят очень дорого, хотя не все осознавали это в начале 1990-х годов. Мы не говорим сейчас о социальной справедливости. Однако, с точки зрения макроэкономики, имел место величайший передел собственности, совершенный в пользу домашних хозяйств. Многие расстались со своей собственностью за бутылку водки, но были и такие, кто сказочно обогатился именно потому, что другие не осознавали настоящей стоимости доставшихся им активов. Речь может идти о несправедливом переделе собственности внутри сектора домашних хозяйств, но домашние хозяйства в целом статистически выиграли. Однако именно статистически — практически это никак не отражено. Москвичи получили в собственность квартиры рыночной стоимостью сотни тысяч долларов каждая при средней зарплате, которая в начале 1990-х годов равнялась в лучшем случае нескольким сотням долларов. Тем не менее заработную плату принято учитывать при оценке уровня благосостояния, а стоимость капитальных трансфертов, полученных в результате приватизации, как правило, игнорируется.

Проблема заключается в том, что приватизация не была должным образом отражена в национальных счетах. Рыночные цены на приватизируемые активы в то время отсутствовали (как они во многих случаях отсутствуют и сейчас), поэтому в национальные счета приватизационные трансакции включались по ценам, которые никак не отражали реальность. И провести сегодня соответствующий анализ на основании общедоступных статистических данных не представляется возможным.

Тем не менее проблема не должна игнорироваться. Остается надеяться, что в дальнейшем она будет должным образом исследована, и тогда картина происходившего с уровнем благосостояния россиян в 1990-е годы станет более адекватной.

5.5. Денежные накопления

К проблеме приватизации тесно примыкает проблема учета накопления. Приватизация — это безвозмездное перераспределение активов в пользу домашних хозяйств, и такое

перераспределение, без сомнения, отражается на уровне их благосостояния. Но активы (финансовые и нефинансовые) могут не только безвозмездно перераспределяться, они могут также приобретаться домашними хозяйствами. И это тоже является характеристикой благосостояния.

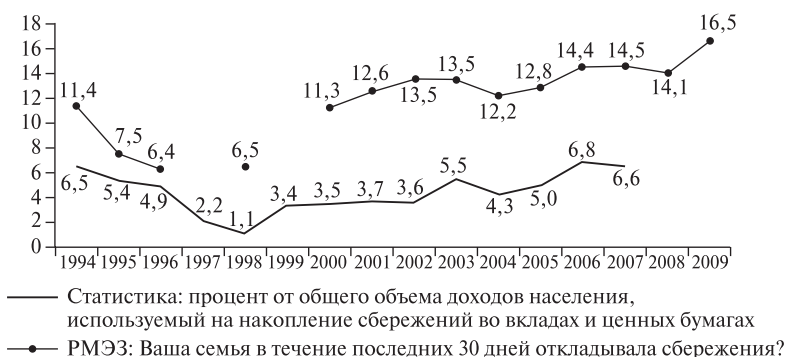
Собственно, само появление склонности домашних хозяйств к сбережению является важной характеристикой уровня благосостояния. Принято считать, что эта склонность появляется у домашних хозяйств в том случае, если удовлетворены первостепенные потребности — в питании, одежде, лекарствах и т.д. Во всяком случае, это верно по отношению к накоплению финансовых активов. Что касается нефинансовых активов, то основными их видами в случае домашних хозяйств являются жилье и, в последнее время, земля. Жилье также относится к первостепенным потребностям, и эту проблему мы рассмотрим несколько позднее.

Сопоставить уровни финансовых активов, находившихся в собственности домашних хозяйств России в конце 1980-х годов и 20 лет спустя, очень сложно, поскольку, во-первых, трудно определить истинный уровень сбережений (не все они хранятся в банках, не все — в виде денег и не все — в России), во-вторых, методологически непонятно, каким образом сравнивать истинную стоимость даже обычных рублевых сбережений в 1989 и 2009 гг. В этом случае реальнее говорить именно об оценке динамики, но с исключением из нее периода начала 1990-х годов.

Если говорить о накоплении финансовых активов, домашние хозяйства испытали в начале 1990-х годов настоящую катастрофу в результате гиперинфляции. Это обстоятельство сломало все существовавшие до того стереотипы сберегательного поведения домашних хозяйств и все тенденции. Было бы очень интересно проанализировать, сопоставимы ли между собой статистически процессы приватизации (позитивный для домашних хозяйств) и обесценивания сбережений (негативный). К сожалению, сегодня мы не готовы ответить на этот вопрос.

Что касается остальных лет, то, опираясь на данные официальной статистики, можно наблюдать, что второй сильный шок сбережения испытали в результате кризиса 1998 г. В итоге если в 1994 г. для накопления сбережений во вкладах и ценных

бумагах население использовало 6,5% от общего объема доходов, то к 1998 г. — только 1%. Начиная с 1999 г. мы наблюдаем восстановление данной доли с последующим падением в 2008 г. Аналогичным образом меняется динамика доли откладывающих сбережения, измеренная по данным РМЭЗ (рис. 5.6).

Источники: официальные данные Росстата, RLMS-HSE.

Рис. 5.6. Доля сбережений в доходах населения и сберегательное поведение семей, %

Еще одним показателем, по которому можно судить о динамике сбережений, является индекс благоприятности сбережений, измеряемый Росстатом ежеквартально с 1998 г. За период 1998–2008 гг. этот индекс значительно вырос (рис. 5.7), хотя при этом продолжает характеризоваться наиболее пессимистичными настроениями относительно других частных индексов и интегрального индекса. Более того, его восстановительный рост после кризиса 1998 г. был отложенным и постепенным. Во-первых, даже самый быстрый рост материального положения домохозяйств не может за 1–2 года обеспечить домохозяйство достаточными ресурсами для откладывания сбережения с учетом того, что доля имеющих сбережения сократилась за период с 1991 по 1999 г. с 70 до 10%¹⁰. Во-вторых, в отличие от доходов, характеризующих текущее материальное

¹⁰ Ибрагимова Д.Х., Николаенко С.А. Индекс потребительских настроений / НИСП. М.: Поматур, 2005.

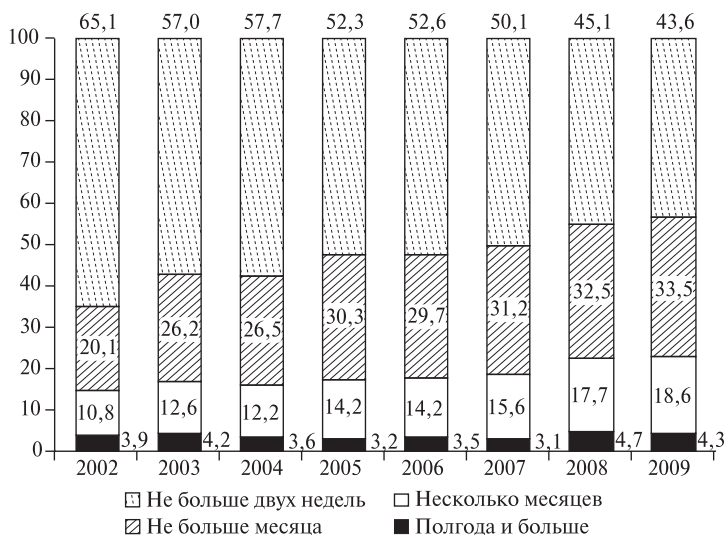
положение домохозяйств, откладывание сбережений отражает в большей степени средне- и долгосрочные финансовые стратегии семей, и в данном случае они медленнее реагировали на улучшение макроэкономической конъюнктуры. По итогам кризиса 2008 г. индекс благоприятности сбережений упал до отметок 2001 г. (–61%), однако уже в 2010 г. практически восстановил предкризисные значения.

Источник: официальные данные Росстата.

Рис. 5.7. Динамика индексов потребительских ожиданий населения

Несмотря на отмеченные позитивные изменения объективных и субъективных показателей сберегательного поведения населения, динамика улучшений здесь по-прежнему отстает от темпов как макроэкономического развития, так и улучшения материального положения домохозяйств. Сбережения по-прежнему лишь в ограниченном сегменте домохозяйств могут выполнять функцию социального страхования, или так называемой подушки безопасности. Так, по данным выборочного

Источник: данные RLMS-HSE.

Рис. 5.8. Страховой потенциал накопленных в домохозяйствах сбережений, %

обследования РМЭЗ, лишь 4,3% семей смогут сохранить прежний уровень материального положения в течение полугода и более в случае, если все члены семьи лишатся всех источников дохода (рис. 5.8). Еще приблизительно 1/5 части домохозяйств сбережений хватит на несколько месяцев. В большинстве же домашних хозяйств данный показатель составляет не более одного месяца. Вместе с тем, если мы возьмем для примера такой социальный и экономический риск, как потеря работы одним из членов домохозяйства, стоит отметить, что средняя продолжительность поиска работы составляла в 2008 г. около 8 месяцев.

6. Сводный индекс благосостояния

На основании рассуждений, приведенных выше, мы попытались дать сводную оценку изменения уровня благосостояния российского населения за период 1990–2008 гг.

Мы исходили из того, что уровень благосостояния складывается под влиянием трех основных факторов:

1) возможность домашних хозяйств приобретать рыночные товары и услуги, предназначенные для конечного потребления, за счет собственных средств;

2) возможность пользоваться нерыночными товарами и услугами, финансируемыми государством и некоммерческими организациями (например профсоюзами) и предоставляемыми домашним хозяйствам бесплатно или почти бесплатно;

3) возможность домашних хозяйств приобретать жилье.

Для того чтобы оценить действие этих трех факторов в совокупности, мы рассчитали некий индекс, который условно назвали сводным индексом благосостояния. Мы использовали следующие исходные данные и методы расчета.

1. В качестве индикатора изменения покупательной способности домашних хозяйств в части приобретения рыночных потребительских товаров и услуг мы использовали индекс изменения покупательной способности среднедушевого дохода, рассчитанный исследователями журнала «Эксперт». Напомним, что этот индекс составил 1,45; подробно он описан в параграфе 3.5 нашего доклада. Отметим также, что этот индекс включает рыночные услуги здравоохранения и образования, приобретаемых домашними хозяйствами за свой счет;

2. Для оценки возможности использовать индивидуальные нерыночные услуги (обычно в их число включают здравоохранение, образование и социальное обеспечение) мы рассчитали следующее соотношение. На основании данных, полученных в результате осуществления японского проекта по исторической статистике¹¹, мы получили сумму расходов государства и некоммерческих организаций на оказание домашним хозяйствам России нерыночных индивидуальных услуг. Затем был рассчитан ВВП 2008 г. в ценах 1990 г. по опубликованным тем-

¹¹ См.: Пономаренко А.Н. Ретроспективные национальные счета России. 1961–1990. М.: Финансы и статистика, 2002.

пам его реального роста. После этого мы рассчитали расходы на нерыночные индивидуальные услуги государства и НКО в 2008 г. в ценах 1990 г., воспользовавшись для этого сделанной оценкой ВВП 2008 г. в ценах 1990 г. и удельным весом этих услуг в ВВП по данным за 2008 г. Соотнеся уровни суммарных расходов государства и НКО на нерыночные индивидуальные услуги, предназначенные для конечного потребления домашними хозяйствами, мы получили индекс 0,93. Иными словами, совокупные расходы государства и НКО на нерыночные индивидуальные услуги с учетом роста цен за прошедшие 20 лет снизились примерно на 7%.

3. Для расчета возможности приобретения жилья были проведены расчеты соответствующего индекса, выполненные коллегами из Института экономики города. Эти расчеты сводятся к следующему. Сначала была проведена оценка возможности приобретения жилья исходя из среднего дохода, существовавшего в 1989 и 2009 гг. В 1998 г. сумму, необходимую для покупки квартиры площадью 54 кв. м, можно было собрать за 2,6 года при условии отказа от всех других расходов. В то же время индивидуальный жилой дом площадью 100 кв. м можно было построить на средства, эквивалентные 3,9 года. Принимая во внимание, что доля индивидуального жилищного строительства в общем количестве «улучшений жилищных условий» составляла всего 4,6%, рассчитывается средний показатель, равный 2,66 года. Показатель, рассчитанный аналогичным образом для 2009 г., составил 4,64 года. Таким образом, индекс доступности жилья за этот период равен 0,57. Учитывая разные возможности приобретения жилья, оно стало на 43% менее доступным для среднего жителя России.

4. Наконец, был рассчитан сводный индекс благосостояния как средний из перечисленных выше индексов (табл. 6.1). Он рассчитан по формуле Фишера, с использованием в качестве весов долей расходов домашних хозяйств на конечное потребление, совокупных расходов государства и НКО на нерыночные индивидуальные услуги, а также расходов домашних хозяйств на валовое накопление (показатель СНС) в суммарном объеме этих трех показателей в 1990 и 2008 гг.

Рассчитанный описанным образом индекс оказался равным 1,32. То есть уровень благосостояния «среднего» жителя России, трактуемый как оценка совокупной возможности покупки рыночных товаров и услуг, жилья и потребления нерыноч-

ных услуг, вырос за прошедшие 20 лет примерно на 1/3. Отметим, что этот индекс оказался в итоге меньшим, чем результат, полученный на основании сопоставления покупательной способности среднего дохода в части рыночных товаров и услуг, за счет того, что способность «средних» россиян приобретать жилье и потреблять нерыночные услуги, оплачиваемые государством и НКО, снизилась. Полученные результаты подтверждают, в общем, предсказуемый результат: рыночные изменения привели к улучшению возможности приобретения большинства товаров и услуг за счет собственных средств домашних хозяйств, в то время как нерыночный сектор в лучшем случае стагнирует. Весьма существенное ухудшение положения с доступностью жилья можно попытаться объяснить спецификой отрасли, поскольку здесь в полной мере проявляются два фактора — 1) недоступность импорта и 2) зависимость от коррупции.

Таблица 6.1. Сводный индекс благосостояния и его составные части

Показатель	Содержание	Значение	Удельный вес фактора
Индекс изменения покупательной способности среднего дохода	Изменение покупательной способности среднедушевого дохода в части приобретения рыночных товаров и услуг	1,45	0,8
Индекс расходов на нерыночные индивидуальные услуги	Изменение реальных расходов государства и некоммерческих организаций на нерыночные индивидуальные услуги	0,93	0,15
Индекс доступности жилья	Изменение покупательной способности среднедушевого дохода в части приобретения жилья и нового строительства	0,57	0,05
Сводный индекс благосостояния	Средневзвешенная величина из указанных выше индексов	1,32	

Источник: расчеты авторов.

Сводный индекс является индикативным, т.е. не может претендовать на абсолютно адекватное отражение динамики фактического конечного потребления домашних хозяйств. В частности, он никак не учитывает потребление товаров и услуг, произведенных домашними хозяйствами для собственного потребления, а также возможное изменение доли скрытых доходов. Отметим также, что сводный индекс благополучия никак не учитывает имущественного расслоения, а также такого нового для образа жизни граждан России явления, как безработица. Обе последние проблемы подробно рассматриваются в следующих главах доклада.

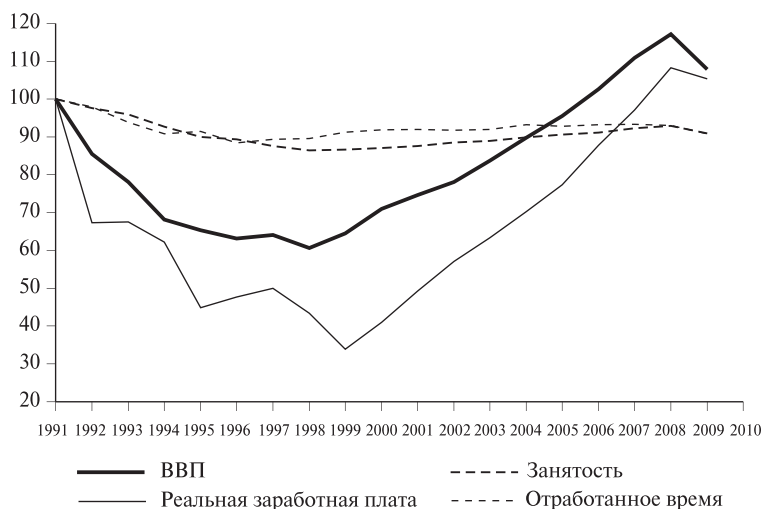
7. Рынок труда

Появление рынка труда — принципиально новое явление, отличающее стиль жизни населения предреформенной России от современного. Сам факт существования безработицы, пусть и небольшой по масштабам, вносит элемент нестабильности в общественное сознание и делает жизнь, так или иначе, менее комфортной. В то же время существование рынка труда имеет свои положительные стороны, прежде всего в части повышения экономической эффективности. В любом случае существование рынка труда является неотъемлемым признаком рыночной экономики, и бессмысленно рассуждать о том, плохо это или хорошо. Если мы говорим о рынке, приходится признавать необходимость существования рынка труда и присущего ему определенного уровня безработицы. Другое дело, следует оценить, насколько этот уровень является разумным и существуют ли механизмы, позволяющие компенсировать негативные проявления безработицы в социальном плане.

В советский период занятость была обязательной, заработные платы назначались государством в централизованном порядке, безработицы в открытой форме не существовало. Не существовало, соответственно, и статистики рынка труда. В 1991 г. был принят Закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 № 1032-1, в соответствии с которым начали создаваться институты рынка труда. В 1992 г. было проведено первое обследование населения по проблемам занятости, составляющее основу статистики рынка труда. Поэтому именно с этого момента (с 1992 г.) мы и будем вести наш отчет (обращаясь к 1991 г. там, где это возможно).

В эволюции российского рынка труда можно выделить три различных этапа. Первый (1992—1998 гг.) отражает глубокую трансформационную рецессию, которая растянулась почти на целое десятилетие и сопровождалась сокращением занятости, ростом открытой безработицы, снижением продолжительности рабочего времени и резким падением реальной заработной платы. Второй (1999—2008 гг.) был связан с энергичным посттрансформационным подъемом, когда ситуация на рынке труда стала быстро улучшаться. Наконец, глубокий экономический кризис, разразившийся во второй половине 2008 г., обозначил начало нового, третьего этапа (2008—2010 гг.).

В сжатом виде особый алгоритм функционирования российского рынка труда иллюстрирует рис. 7.1, на котором представлены траектории изменения ВВП, численности занятых, продолжительности рабочего времени и реальной заработной платы за период 1991–2009 гг. Как видим, занятость в российских условиях всегда оставалась достаточно устойчивой и не слишком чувствительной даже к сильнейшим макроэкономическим шокам (причем как отрицательным, так и положительным). Связь между динамикой выпуска и динамикой занятости была слабой. Снижение занятости в период трансформационного кризиса составило менее 15%, тогда как падение ВВП достигло почти 40% (в нижней точке кризиса). Сходную асимметрию мы наблюдали затем на стадии подъема: ВВП вырос почти вдвое (по отношению к уровню 1998 г.), а численность занятых увеличилась лишь на 7–8%. Высокую степень автономии занятости по отношению к любым встряскам в экономике, имевшим место на протяжении последних 20 лет, можно считать едва ли не главным «фирменным знаком» российского рынка труда.

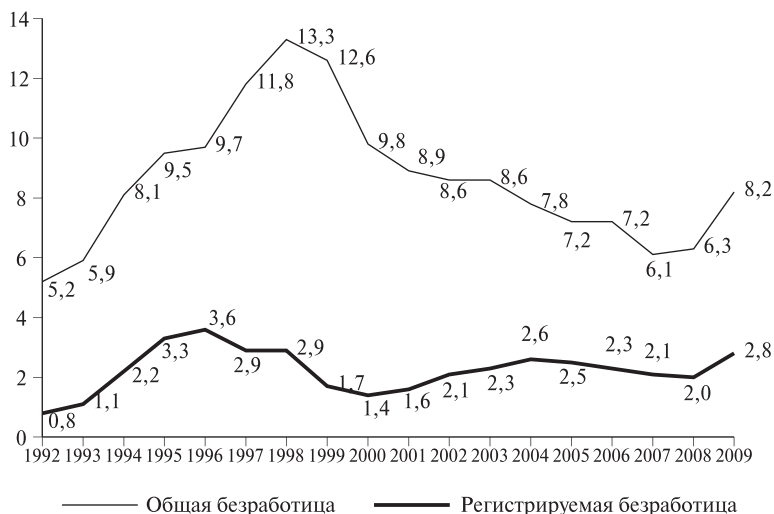

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Рис. 7.1. Динамика ВВП, занятости, заработной платы, 1991–2009 гг., % к 1991 г.

В результате такой инерции уровень занятости все время устойчиво поддерживался на достаточно высокой отметке. Хотя первоначально (в 1992–1998 гг.) он снизился примерно на 13 п.п. — с 71,8 до 58,4%, затем (в посткризисный период) он вырос более чем на 10 п.п., приблизившись к отметке 69%. Это немного выше, чем в среднем в странах — членах ОЭСР, и намного выше, чем в большинстве других постсоциалистических стран.

В условиях относительной стабильности занятости естественно ожидать, что и безработица не должна быть слишком высокой. Рисунок 7.2 это подтверждает, показывая плавную траекторию изменения безработицы без каких-либо резких скачков, вызванных разовыми выбросами на рынок труда больших масс работников. Стартовав с отметки 5,2% в 1992 г., общая безработица лишь на шестом году рыночных реформ превысила порог 10%, а точка максимума — 13,3% — была достигнута в 1998 г. Учитывая глубину и продолжительность трансформационного кризиса, надо признать, что в этот период безработица в России удерживалась на непропорционально низкой отметке. Когда же российская экономика вступила в фазу подъема, показатели общей безработицы быстро пошли вниз, уменьшившись к середине 2008 г. более чем вдвое — до 5,5–6%.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Рис. 7.2. Динамика официальной и регистрируемой безработицы, %

В России общая безработица никогда не достигала пиковых значений, характерных для многих других реформируемых экономик, и это несмотря на большую глубину и продолжительность переходного кризиса. Это преимущество сохранялось ею и позднее, в условиях активного экономического роста. (Например, в Польше, Словакии, Болгарии на протяжении большей части 2000-х годов безработица вплотную приближалась к отметке 20%.)

Первоначально непропорционально низкая российская безработица воспринималась многими исследователями как статистический артефакт, связанный либо с низким качеством официальных статистических измерений, либо с неприменимостью конвенционального (чрезмерно узкого, как утверждалось) определения безработицы, используемого МОТ, к переходным экономикам. Однако последующий анализ показал, что в российском случае оценки безработицы являются робастными по отношению к возможным модификациям в ее определении и измерении. Альтернативные оценки, исходящие из более широкого определения безработицы, оказались очень близки к официальным. Во многих других переходных странах переход от конвенционального к более широкому определению безработицы, включающему различные пограничные состояния на рынке труда, вел к значительному увеличению ее масштабов.

Что касается регистрируемой безработицы, она всегда оставалась поразительно низкой. На протяжении 1990–2000-х годов она колебалась в узком диапазоне, в пределах 1,4–3,5%, и, например, по состоянию на середину 2008 г. ее уровень составлял менее 2% (см. рис. 7.2 на с. 58). В этом отношении Россия выступала абсолютным «рекордсменом»: такими устойчиво низкими показателями регистрируемой безработицы не могла похвастаться никакая другая постсоциалистическая страна.

Разрыв между общей и регистрируемой безработицей в различные годы достигал от 3 до 7 раз. При этом общая и регистрируемая безработица изменялись по явно не совпадающим траекториям: так, пик первой (13,3%) был достигнут в 1998 г., тогда как пик второй (3,5%) — двумя годами раньше, в 1996 г. Это означает, что численность зарегистрированных безработных начала снижаться тогда, когда общая численность безработных все еще продолжала расти. И наоборот: в посткризисный период можно обнаружить несколько эпизодов, когда

несмотря на непрерывное снижение общей численности безработных численность зарегистрированных безработных начинала вдруг увеличиваться.

Эти расхождения можно рассматривать как наглядное подтверждение того, что российская регистрируемая безработица является в значительной мере рукотворным феноменом. Ее динамика всегда определялась не столько общей ситуацией на рынке труда, сколько организационными и финансовыми возможностями Государственной службы занятости (ГСЗ), отвечающей за поддержку безработных. Когда возможности ГСЗ расширялись, регистрируемая безработица начинала быстро идти вверх — что бы в это время ни происходило в экономике; когда они сужались, регистрируемая безработица начинала быстро идти вниз — опять-таки вне прямой связи с общей ситуацией, которая в это время складывалась в экономике.

В чем же причины относительной стабильности занятости и отсутствия высокой безработицы? Казалось вполне естественным, что, с одной стороны, российские работники должны бояться выхода на открытый рынок и до последнего держаться за занимаемые ими рабочие места, а с другой — российские предприятия, сохраняющие приверженность патерналистским установкам советского типа, должны «придерживать» имеющуюся у них рабочую силу, отказываясь от ее «сброса». Отсюда — слабая чувствительность занятости и безработицы к макроэкономическим шокам.

Однако при ближайшем рассмотрении это объяснение полностью рассыпается. По показателям движения рабочей силы Россия намного превосходила другие постсоциалистические страны. Коэффициент валового оборота рабочей силы, определяемый как сумма коэффициентов найма и выбытия, достигал 43–62% для всей экономики и 45–65% для промышленности. Ежегодному «перетряхиванию» подвергалась от 1/4 до 1/3 занятых на российских предприятиях. Даже в кризисные 1990-е годы найм поддерживался на достаточно высокой отметке — 20–25%. Это было важнейшим фактором, способствовавшим стабилизации занятости. (Действительно, ведь для того чтобы в российской экономике произошел «сброс» занятости, пропорциональный падению выпуска, предприятиям было бы достаточно всего лишь на 2–3 года заморозить наем или хотя бы резко снизить его интенсивность.)

Другой, не менее парадоксальный феномен — доминирование добровольных увольнений. Вынужденные увольнения так и не получили на российском рынке труда заметного распространения. Даже в разгар переходного кризиса частота таких увольнений оставалась ничтожной. Уволенные составляли не более 1–2,5% от численности персонала, или 4–10% от общего числа выбывших. Преобладали добровольные увольнения, достигавшие 16–25% от численности персонала, или 65–80% от общего числа выбывших. Даже с учетом возможной маскировки части вынужденных увольнений под добровольные трудно усомниться, что подавляющая часть работников, покидавших предприятия, делала это по собственной инициативе.

Но если ссылка на низкую межфирменную мобильность рабочей силы отпадает, то тогда «необычное» поведение показателей занятости и безработицы должно объясняться действием иных факторов. Два из них представляются ключевыми: это эластичное рабочее время и гибкая заработная плата.

За первую половину 1990-х годов продолжительность рабочего времени уменьшилась на 12% во всей экономике и на 15% в промышленности. Затем она стала столь же быстро подтягиваться вверх, увеличившись к 2008 г. на 6% во всей экономике и еще сильнее — на 16% — в промышленности. По своим масштабам колебания продолжительности рабочего времени были сопоставимы с колебаниями численности занятых. Эластичность, которую демонстрировали показатели рабочего времени, способствовала стабилизации занятости и предотвращению высокой безработицы. Если бы они оставались неизменными, то и падение занятости в кризисный период, и ее прирост в посткризисный период были бы примерно вдвое больше, чем они были в действительности. Это резко отличало ситуацию в России от ситуации в странах ЦВЕ, где продолжительность рабочего времени оставалась практически неизменной как в период трансформационной рецессии, так и в период последующего подъема.

Однако еще более важным фактором, способствовавшим стабилизации занятости и сдерживанию роста безработицы на протяжении всего обсуждаемого периода, являлась гибкая заработная плата. Ее гибкость обеспечивалась несколькими основными способами.

Во-первых, отсутствие обязательной индексации в периоды высокой инфляции вело к сокращению реальной оплаты труда. Самые сильные «провалы» в динамике реальных заработков всегда приходились на периоды резкого ускорения инфляции, когда темпы роста цен далеко отрывались от темпов роста денежной заработной платы. По официальным оценкам, в кризисный период реальная оплата труда сократилась в России примерно втрое. Это драматическое сокращение было фактически осуществлено в три «прыжка», и все они были спровоцированы сильнейшими негативными макроэкономическими шоками. Первый был связан с либерализацией цен в январе 1992 г., когда реальная заработная плата обесценилась на 1/3, второй — с так называемым «черным вторником» в октябре 1994 г., когда она уменьшилась более чем на 1/4, и, наконец, третий — с августовским дефолтом 1998 г., когда ее снижение составило свыше 30% (см. рис. 7.1 на с. 57).

Возобновление экономического роста дало толчок возвратному процессу. Хотя и в этот период инфляция в России оставалась по международным меркам достаточно высокой, повышение номинальной заработной платы значительно ее опережало. Результатом стало энергичное восстановление реальной заработной платы с ежегодными темпами прироста до 10–20%. За посткризисный период реальная заработная плата «потяжелела» более чем втрое (по сравнению с уровнем 1999 г.).

Во-вторых, весомую долю в оплате труда российских работников (25–40%) традиционно составляли и продолжают составлять премии и другие поощрительные выплаты. Эта переменная часть оплаты труда может колебаться в широких пределах в зависимости от экономического положения предприятий и установок менеджмента.¹² Менеджеры вправе по своему усмотрению полностью или частично лишать таких выплат определенные группы работников или даже весь персонал. За счет этого при ухудшении экономических условий деятельности предприятий оплата труда сразу устремляется вниз, тогда как при их улучшении — вверх. В крайне неблагоприятном 1998 г. доля переменной части в фонде оплаты труда всех рос-

¹² Здесь можно отметить, что такой механизм зарплатообразования вносит свой значительный вклад в неравенство.

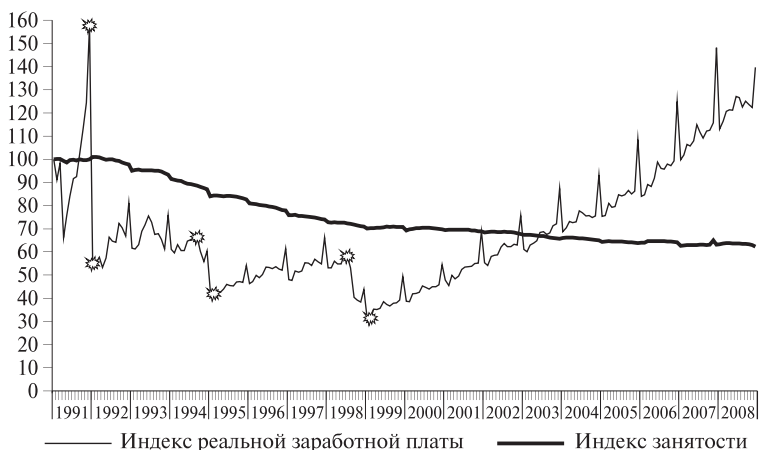
сийских предприятий составляла примерно 27%, а в сверхблагополучном 2007 г. — почти 36%. Подобная зависимость прослеживается не только во времени, но и в пространстве: чем лучше экономическое положение той или иной отрасли, того или иного предприятия, тем выше, как правило, оказывается у них доля поощрительных выплат. Например, в 2007 г. в двух самых процветающих российских отраслях — нефтегазовой и металлургической — величина премий и доплат даже превосходила величину основной заработной платы.

В-третьих, еще одним — крайним — способом снижения реальной заработной платы служили задержки в ее выплате, которые, как показывает опыт, обычно выходили на первый план в периоды замедляющейся инфляции. Хотя задержки заработной платы появились уже в первые месяцы 1992 г., их пик пришелся на середину 1998 г. Тогда ими оказались охвачены примерно 2/3 всех наемных работников. В реальном выражении задолженность по заработной плате увеличилась в кризисные годы примерно в 10 раз. Если в 1992–1993 гг. она составляла менее 1/5 части месячного фонда оплаты труда предприятий, то к концу 1998 г. — уже свыше 1,5 месячного фонда. Другими словами, в пик кризиса рабочая сила обходилась российским предприятиям на 15–20% дешевле ее полной «контрактной» стоимости.

Переломным моментом в динамике невыплат стало возобновление экономического роста. С его началом они начали быстро рассасываться. К середине 2008 г. их объем составлял менее 2% от месячного фонда оплаты труда, а охват работников невыплатами сократился до примерно 1%. В результате проблема невыплат утратила сколько-нибудь важное значение.

При резком ухудшении экономической ситуации все эти механизмы — инфляционное обесценение реальной оплаты труда, урезание премий, задержки заработной платы и сокращение «теневых» выплат — обеспечивали быстрое удешевление рабочей силы с точки зрения предприятий. Это способствовало стабилизации занятости, предотвращая всплеск открытой безработицы. Улучшение экономической ситуации давало толчок обратным процессам. В результате как на негативные, так и на позитивные шоки российский рынок труда реагировал сходным образом — колебаниями не столько в численности занятых, сколько в размерах оплаты труда.

Резкий контраст в поведении этих показателей отчетливо виден на рис. 7.3, где представлена помесечная динамика реальной заработной платы и численности занятых за 1991–2009 гг. Если первая практически мгновенно реагировала на любые, даже незначительные изменения в рыночных условиях, то вторая сохраняла по отношению к ним почти полный «иммунитет». По прерывистой, ломаной линии, отражающей динамику реальной заработной платы, мы могли бы в мельчайших подробностях реконструировать историю взлетов и падений российской экономики переходного периода. Но, глядя на ровную и гладкую линию, отражающую динамику занятости, нам едва ли удалось бы догадаться, что именно происходило с ней в эти годы.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Рис. 7.3. Динамика занятости и заработной платы, помесечные индексы, 1991–2009 гг., %

Гибкостью заработной платы во многом объясняется также отсутствие у российских предприятий склонности к вынужденным увольнениям. Сокращения численности персонала, когда это было необходимо, они могли добиваться гораздо более дешевым способом — с помощью снижения заработной платы, подталкивая таким образом ненужных работников к добровольным увольнениям.

Визитной карточкой российской модели рынка труда можно считать разнообразные нестандартные способы адаптации — работу в режиме неполного рабочего времени и вынужденные отпуска, задержки заработной платы и теневые выплаты, занятость в неформальном секторе и занятость производством товаров и услуг в домашних хозяйствах населения. Нестандартными их можно считать, потому что все они носили неформальный или полужформальный характер и использовались либо в обход, либо в прямом противоречии с действующими формальными законами и регуляциями. Как правило, они первыми реагировали на любые шоки, тогда как адаптация в более формализованных формах происходила позднее и благодаря этому приобретала более сглаженный характер. В отдельные годы почти 1/4 персонала российских предприятий переводилась на сокращенное рабочее время или отправлялась в административные отпуска; неформальной трудовой деятельностью (вне сектора предприятий и организаций) был занят каждый седьмой работник; в пиковые годы задержки заработной платы охватывали большинство работающего населения; неофициальная оплата достигала почти половины от официальной. Уникальным явлением была и остается занятость в домашних хозяйствах, где в пик аграрного сезона примерно 40% взрослого населения страны производит сельскохозяйственную продукцию на приусадебных и дачных участках — частично для продажи на рынке, но главным образом для собственного потребления. Неудивительно, что с определенного момента эти способы адаптации начали восприниматься как общепринятая практика, как норма трудовых отношений. Хотя в посткризисный период некоторые из этих приспособительных механизмов стали выходить из употребления, другие по-прежнему продолжали активно использоваться, охватывая значительную часть российской рабочей силы.

Произошли изменения в соотношении между занятостью в корпоративном и некорпоративном секторах. Характерной чертой российского рынка труда является устойчивый отток занятости из корпоративного сектора в некорпоративный. Корпоративный сектор образуют занятые на предприятиях, обладающих статусом юридического лица, — крупных и средних, а также малых. Традиционно ядром российской рабочей силы являлись работники крупных и средних предприятий.

Здесь сосредоточена основная часть формальной занятости, а нестандартные формы трудовых отношений практикуются в исключительных случаях. Периферию составляют занятые на предприятиях, не обладающих статусом юридического лица, — самозанятые, работающие по найму у физических лиц, семейные работники и т.д. Здесь занятость носит по большей части неформальный характер и активно используются нестандартные трудовые контракты. Разграничение между корпоративным и некорпоративным секторами является принципиально важным, потому что они демонстрировали совершенно разную динамику занятости (еще сильнее «провалилась» занятость на крупных и средних предприятиях — до 55%).

В кризисный период занятость на средних и крупных предприятиях сокращалась быстрее, чем в экономике в целом, и, что еще удивительнее, продолжала устойчиво снижаться даже в посткризисный период. Среднесписочная численность их работников уменьшилась более чем на 1/3 — с 59 млн в 1991 г. до 37 млн в 2007 г. (При этом более 5 млн рабочих мест было потеряно ими в 2000-е годы в условиях бурного экономического роста!) В результате если до начала рыночных реформ на их долю приходилось 80% всех занятых, то в настоящее время — чуть более 50%.

Обратную динамику демонстрировал некорпоративный сектор. В 1991 г. он аккумулировал около 5 млн человек, или чуть более 6% от всех занятых, тогда как в 2007 г. уже 19 млн человек, или почти 30% от всех занятых. Очевидно, что этому сегменту российской экономики принадлежала важная демпфирующая роль: если бы некорпоративный сектор не абсорбировал избыточную рабочую силу, которую «сбрасывал» корпоративный сектор, безработица в России могла быть гораздо выше. Обладая большей гибкостью и большей устойчивостью к циклическим колебаниям, он служил эффективным буфером, смягчавшим последствия многочисленных шоков.

Приведенные оценки лишь отчасти отражают занятость населения производством сельскохозяйственной продукции в домашних хозяйствах. Речь идет о гигантском анклав экономики самообеспечения, в функционирование которого вовлечена огромная часть российского населения. Согласно Обследованиям населения по проблемам занятости (ОНПЗ), в среднем в течение года в ЛПХ трудятся около 23 млн человек

(примерно каждый пятый взрослый житель России), а в пик аграрного сезона — 35,5 млн человек (примерно каждый третий взрослый житель России). Это почти в 5 раз (!) превышает численность занятых в формальном секторе российского сельского хозяйства. При этом в производство продукции для продажи на рынке вовлечено меньшинство занятых в ЛПХ (менее 20%), тогда как подавляющее их большинство (свыше 80%) производят ее не для продажи, а исключительно для конечного потребления в своих семьях.

По оценкам, примерно 2/3 российских домохозяйств имеют в своем пользовании земельные участки. По сравнению с концом 1980-х — началом 1990-х годов численность домохозяйств, имеющих земельные участки, увеличилась примерно на 1/4, а площадь используемых ими земель — почти втрое. Расширение экономической активности ЛПХ происходило неравномерно. Ускоренный рост наметился еще в позднесоветский период, но в 1990—1992 гг. в связи с начавшейся массовой раздачей земель он приобрел взрывной характер. Пик садово-огородной активности населения, по-видимому, пришелся на первую половину 1990-х годов. Производство в ЛПХ стало важнейшим элементом стратегии выживания, которой в условиях трансформационного кризиса следовала преобладающая часть российских домохозяйств. В посткризисный период, когда реальные доходы населения начали быстро повышаться, потребность в его продукции стала постепенно ослабевать. Однако и сейчас масштабы сектора самообеспечения российской экономики остаются грандиозными. Достаточно сказать, что в хозяйствах населения в настоящее время производится около половины всей продукции российского сельского хозяйства (в дореформенный период их доля в выпуске была почти вдвое меньше).

Таким образом, в применении к проблеме измерения уровня благосостояния можно говорить о том, что безработица пока не оказывает на него большого влияния. Но опосредованное влияние есть — через усиление неравенства.

8. Неравенство

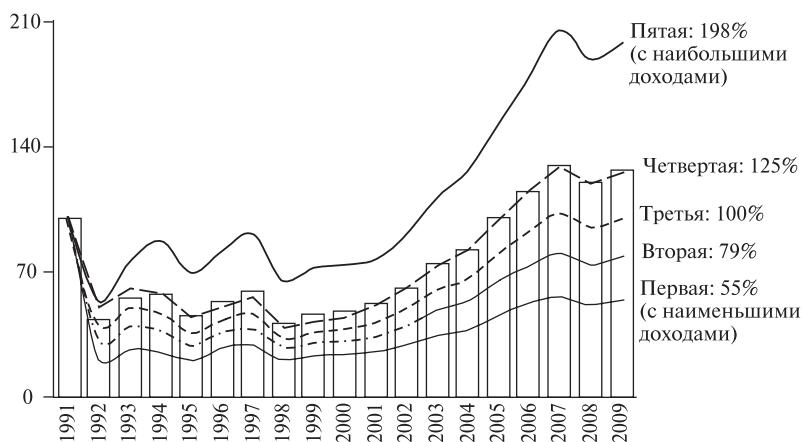
Становление рыночных отношений в России сопровождалось стремительным ростом неравенства в распределении доходов. Конечно, имущественное неравенство в определенном виде было присуще и советскому обществу, как любому другому. Однако в СССР оно не носило массового характера. Можно уверенно говорить о том, что как раз излишняя «уровниловка» в уровне жизни отрицательно сказывалась на эффективности развития советской экономики.

Со статистической точки зрения важно следующее. Когда мы рассуждаем о средних уровнях доходов, расходов или потребления, подразумевая, что перечисленные показатели являются характеристикой уровня благосостояния, мы имеем в виду, что распределение домашних хозяйств по каждому из этих признаков подчиняется нормальному закону, т.е. выявленные тенденции характерны для большинства членов общества. Иными словами, количественные характеристики уровня благосостояния в классическом случае определяется количественными характеристиками уровня благосостояния среднего класса¹³. Если этого нет, если неравенство слишком велико и средние статистические показатели уровня благосостояния не являются характерными для большинства домашних хозяйств, то такого рода средние являются той самой «средней температурой по больнице» и крайне скептически воспринимаются общественным мнением. По официальным данным Росстата за 2008 г., на долю 60% населения с наименьшими доходами приходилось лишь 29,6% доходов, в то время как на долю 10% наиболее богатых приходилось 31,1% всех доходов¹⁴. При таком распределении нет ничего удивительного в том, что большинство населения России воспринимает официальные данные о среднем уровне доходов и потребления как вымысел недобросовестных статистиков.

¹³ В данном случае имеется в виду чисто статистическое представление о феномене среднего класса, т.е. речь идет о совокупности домашних хозяйств, количественные характеристики уровня доходов и расходов которых близки к средним по совокупности.

¹⁴ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2009.

Негативное субъективное восприятие средних статистических показателей относится не только к показателям уровня благосостояния, но и к динамике изменения этих показателей. Описанная выше средняя динамика доходов наиболее близка к четвертому квинтилю (20%-ная часть) населения по доходам (с учетом того, что это — первая квинтильная группа с наименьшими доходами). 20%-ные группы с доходами ниже, чем у четвертой группы, характеризуются и значительно более низкими темпами роста доходов (рис. 8.1). Так, по показателю реальных денежных доходов домохозяйства из третьей квинтильной группы лишь к 2007 г. достигли уровня 1991 г., а домохозяйства из двух наиболее бедных групп по-прежнему находятся ниже данного уровня. Пятая, верхняя, 20%-ная группа, напротив, значительно оторвалась от остальных домохозяйств, нарастив доходы за рассматриваемый период более чем в 2 раза. Описанная ситуация является дополнительным свидетельством высокой доходной дифференциации российских домохозяйств.

Источник: авторские расчеты на основе официальных данных Росстата.

Рис. 8.1. Динамика реальных денежных доходов по 20%-ным доходным группам, 1991–2009 гг., %

Сказанное в равной степени относится и к результатам, полученным нами в ходе реализации данного проекта. Вполне

вероятно, что они будут восприниматься как слишком оптимистические, поскольку рассчитаны для сектора домашних хозяйств в целом, в то время как большая часть домашних хозяйств имеет уровень благосостояния ниже, чем это получается при расчете средних показателей.

Среди авторов данного доклада имеется консенсус по поводу того, что излишне высокий уровень имущественного неравенства является сегодня одной из наиболее важных проблем современной России, которая во многом сводит на нет экономические и социальные достижения последних лет.

Конечно, имущественное неравенство не является чисто российским явлением. Исследователи относят рост неравенства и бедности к основным социально-экономическим рискам, порождаемым глобализацией¹⁵. Представленные на рис. 8.2 оценки роста доходного неравенства для стран — членов ОЭСР, указывают на то, что в период середины 1980-х — середины 2000-х годов неравенство значительно выросло почти во всех странах — членах ОЭСР. Но рост дифференциации в России оказался гораздо выше аналогичных показателей для стран Восточной Европы с переходной экономикой. Например, в Венгрии коэффициент Джини¹⁶ за 20 лет, начиная с середины 1980-х годов, вырос на 0,018 пункта, в то время как в России за аналогичный период он вырос на 0,149 пункта, при этом неравенство в России в преддверии реформ было ниже.

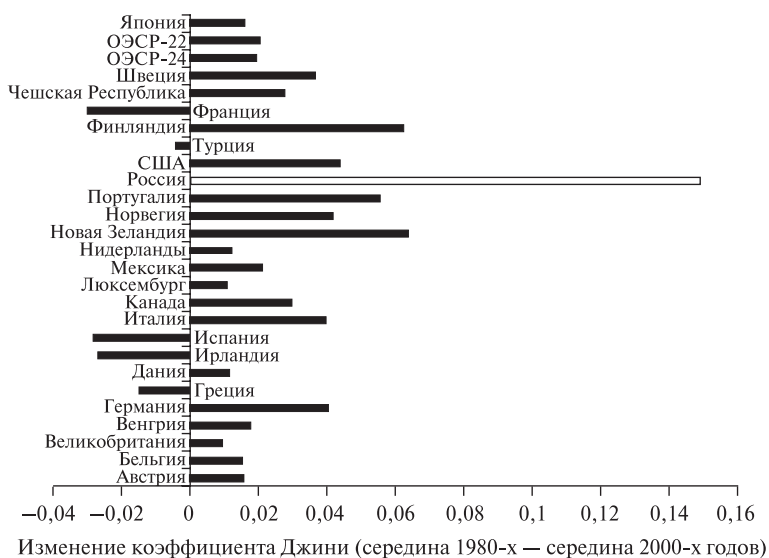
На данный момент уровень неравенства в России выше, чем во всех странах Евросоюза и странах — членах ОЭСР, и сопоставим с показателями Турции и Мексики (рис. 8.3).

К проблеме дифференциации доходов тесно прилегает проблема бедности. Для понимания того, что происходило с бедностью в России с начала 1990-х годов, обратимся к динамике уровня бедности, ее глубине и профилю. В большинстве

¹⁵ Porter M.E. *The Competitive Advantage of Nations*. L.; Basingstoke: MacMillan, 1990; Landes D.S. *The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor*. N.Y.; L.: W.W. Norton & Co., 1998.

¹⁶ Коэффициент Джини — самый популярный индекс неравенства. Его достоинством является то, что он показывает различия между всеми доходными парами в выборке. Значение индекса, равное 0,400, означает, что разница между двумя случайно выбранными доходами равна 80% среднего дохода. Индекс Джини принимает значения от 0 до 1 (0 — в случае абсолютного равенства в распределении доходов, 1 — в случае абсолютного неравенства).

случаев мы будем руководствоваться данными макростатистики, но отдельные сюжеты, в частности профиль бедности, потребуют привлечение результатов репрезентативных выборочных обследований домашних хозяйств.

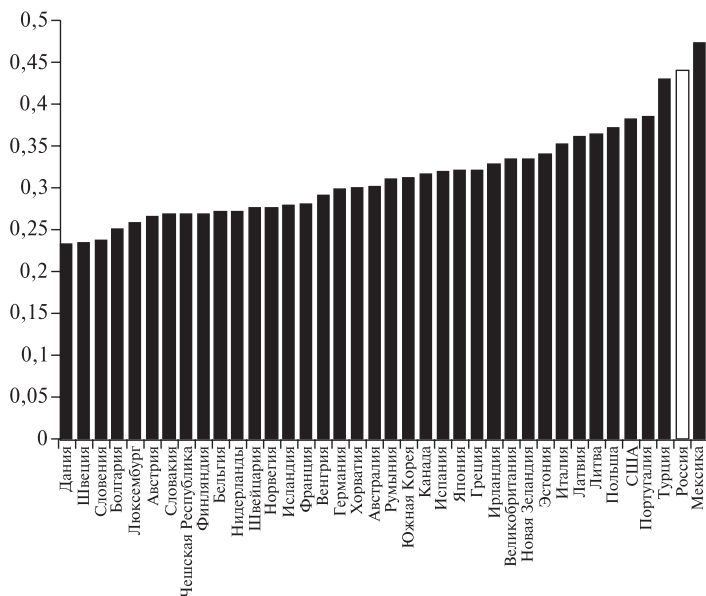
Примечание. Коэффициент Джини для России взят из официальной статистики, рассчитывается на основе показателя душевых денежных доходов. Для стран — членов ОЭСР коэффициенты рассчитаны на основе показателей доходов с применением шкалы эквивалентности с коэффициентом эластичности 0,5. Показатель середины 1980-х годов равен показателю 1990 г.

Источник: данные Росстата и ОЭСР.

Рис. 8.2. Динамика доходного неравенства (коэффициента Джини) в странах — членах ОЭСР и России

В России уровень бедности измеряется долей населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (ПМ), который устанавливается на уровне минимальной потребительской корзины, рассчитанной нормативным методом. Для установления минимально возможного уровня жизни применяется подход концепции абсолютной бедности, ориентирующийся на нормативы потребления важнейших благ и услуг на мини-

мально допустимом уровне. Принципиально другой подход, ориентирующийся на преобладающий в обществе стандарт потребления, используется в европейских странах. Там линия бедности проходит на уровне 40–60% медианного дохода.

Источник: данные ОЭСР.

Рис. 8.3. Коэффициент Джини в середине 2000-х годов

За период рыночных преобразований как уровень доходов, так и уровень бедности были подвержены значительным колебаниям. В 1992 г. 1/3 населения оказалась за чертой бедности, и дефицит доходов в это время составил 6% общего объема денежных доходов населения (рис. 8.4). Постепенное снижение уровня бедности и дефицита денежного дохода с приходом экономического кризиса 1998 г. сменилось восходящей динамикой. Однако с 2001 г. наблюдается устойчивое снижение рассматриваемых показателей: в период от 2000 до 2007 г. доля бедных сократилась более чем в 2 раза. Недавний кризис 2008 г. менее значительно сказался на уровне бедности, чем кризис 1998 г. При сравнении данных за первые 6 месяцев 2008 и 2009 гг. уровень бедности возрос с 14,7 до 15,0%. Очевидно,

что ко II кварталу 2010 г. доля бедного населения существенно снизилась и вернулась к докризисному уровню. Годовые данные позволяют сделать вывод о том, что в 2009 г. уровень бедности составил минимальное значение за всю историю постсоветского периода.

Источник: официальные данные Росстата.

Рис. 8.4. Уровень бедности в России, 1992–2009 гг., % от общей численности населения

Показатель уровня бедности прост в использовании и понимании, однако не дает представления о том, насколько бедными являются те или иные группы населения. Например, в случае проведения политики, направленной на улучшение положения самых бедных, мы можем не вывести их из-за черты бедности, однако существенным образом улучшить их материальное положение. В таком случае гораздо адекватнее оценку динамики бедности дает показатель дефицита дохода, характеризующий ее глубину.

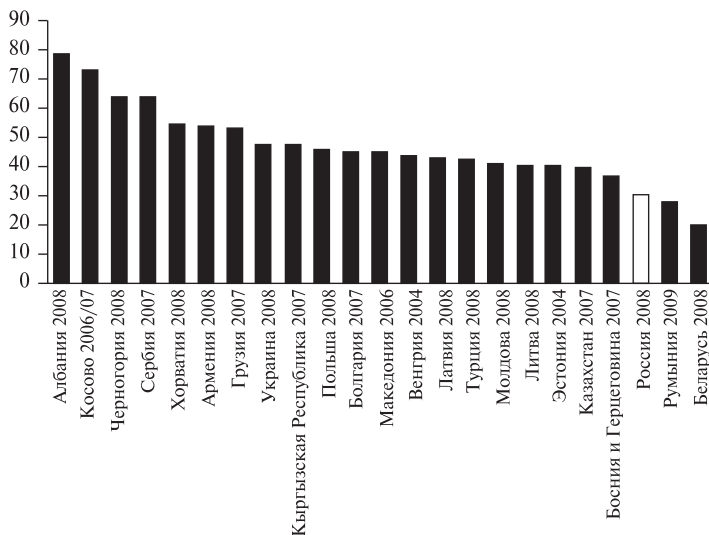
Российская макростатистика оценивает глубину бедности как сумму доходов, которую необходимо доплатить всем бед-

ным, чтобы они перестали быть таковыми, в процентном выражении от объема доходов всего населения. С 1992 по 2009 г. дефицит доходов снизился в 4,5 раза, в то время как уровень бедности снизился гораздо меньше, что свидетельствует о чувствительности дефицита доходов не только к глубине бедности, но и к изменению общего уровня доходов населения (см. рис. 8.4).

Помимо прочего, индикатор дефицита бедности важен для понимания роли и места мер социальной поддержки в общей стратегии содействия сокращению бедности. Доля пособий в структуре доходов населения сопоставима с данным показателем для стран Европы. Однако принципиальные различия выявляются в структуре пособий. В сложившейся системе социальной поддержки населения приоритетными продолжают оставаться выплаты в натуральной и денежной форме отдельным категориям граждан. В России доля пособий для бедных составляет небольшой процент от совокупного объема пособий. По данным Всемирного банка, в 2008 г. доля пособий, полученных наиболее бедным квинтилем населения нашей страны, насчитывала 29% от всех пособий. В то же время этот показатель для Албании, Косово, Черногории составлял 78, 73 и 64% соответственно (рис. 8.5). Степень адресности социальной помощи в отношении бедных в России сопоставима с данными по Румынии (28%) и отстает от данных по Беларуси (20%).

Для того чтобы рассмотреть, какие слои бедных покидают эту группу с течением времени, обратимся к дефициту доходов на душу населения в месяц как к доле от величины ПМ. На протяжении 2000-х годов он колебался в пределах от 30,1 до 31,6% (табл. 8.1). Таким образом, сокращение доли населения с доходами ниже ПМ не сопровождается уменьшением глубины бедности. Следовательно, с течением времени категорию бедных покидают те, кто находится рядом с чертой бедности.

Помимо уровня и глубины бедности важной ее характеристикой является профиль бедности. Он позволяет понять, какие социально-демографические группы населения отличаются повышенным риском попадания в категорию бедных и глубиной бедности. Как упоминалось выше, профиль бедности можно оценить только на основе данных обследований домашних хозяйств. Мы обратимся к обследованию бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ), которое позволяет получить информацию о составе бедного населения.

Источник: база данных Всемирного банка «Социальная защита в Европе и Центральной Азии».

Рис. 8.5. Степень адресности социальной помощи,
% всех пособий, полученных наиболее бедным квинтилем населения

Таблица 8.1. Дефицит доходов на душу населения в месяц, 2000—2008 гг., % от величины прожиточного минимума

	Год								
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Дефицит доходов на душу населения в месяц как доля от величины ПМ	30,5	31,6	31,0	31,2	30,4	31,0	31,2	30,1	30,7

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003: стат. сб. / Росстат. М., 2003; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2009.

Приоритетными группами для политики, направленной на снижение бедности, являются те группы, которые способствуют выведению из числа бедных наиболее многочисленных категорий семей, а также группы наиболее бедных домохозяйств. Основные особенности российского профиля бедности были неоднократно описаны в литературе¹⁷ и сводятся к следующим:

- семьи с детьми и дети в возрасте до 16 лет отличаются максимальным риском бедности, который двукратно превышает среднероссийский уровень;
- с ростом числа детей в домохозяйстве риск бедности увеличивается;
- неполные семьи с детьми чаще попадают в число бедных, чем полные;
- у семей пенсионеров (как одиноко проживающих, так и супружеских пар) риск попадания в число бедных в 2 раза ниже среднероссийского;
- безработные, экономически неактивные, получатели социальных пенсий и пенсий по инвалидности отличаются высокими рисками бедности;
- в общей численности бедного населения широко представлены работающие;
- сельские жители в 2 раза чаще оказываются в числе бедных.

¹⁷ Теслюк Э., Овчарова Л. Бедность и неравенство в России: зависимость статистических показателей бедности и неравенства от метода измерения благосостояния домашних хозяйств. Иллюстрация на основе данных НОБУС / под общ. ред. Р. Емцова. М.: Алекс, 2007. С. 17–19; Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / под ред. Л.Н. Овчаровой; НИСП. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005; Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / Н.В. Зубаревич и др.; под ред. Т.М. Малевой; НИСП. М.: НИСП, 2007.

9. Международные сопоставления уровней благосостояния

Проведение любых сопоставлений требует наличия некой базы, с которой могли бы быть сопоставлены соответствующие значения динамического ряда. В предыдущем параграфе мы провели сопоставления, используя в качестве базы для них 1988 г. — последний стабильный год перед началом активной экономической трансформации. Этот метод является естественным и общепринятым, однако в случае динамических сопоставлений, проводимых за достаточно длительный период, он имеет существенные недостатки. Во-первых, соседние (и конкурирующие) экономики за референтный период не стоят на месте, а активно развиваются. Таким образом, сравнивая Россию 2009 г. с Россией 1988 г., мы как бы упускаем из виду, что весь остальной мир за это время ушел вперед. Есть и еще один недостаток — базовый период и период, сопоставляемый с базовым, могут стать качественно несопоставимыми. Если речь идет о сопоставлениях качества жизни в дореформенной и современной России, то это противоречие может привести к простой констатации — мы стали жить не лучше и не хуже, мы стали жить по-другому. Например, мы стали меньше потреблять некоторые продукты питания, но количество автомобилей на душу населения выросло в разы, не говоря уже о том, что появились мобильные телефоны и Интернет.

Проблема в какой-то мере может быть решена путем введения динамической базы для сопоставлений, т.е. некоторой идеальной или реальной системы, которая сама менялась бы во времени, отражая при этом некое эталонное состояние экономики, которое в данный момент можно считать нормальным. Иными словами, мобильные телефоны и Интернет в такой экономике также присутствуют.

Например, можно сравнивать уровень жизни в России в 1988 и 2009 гг. с аналогичным по времени уровнем жизни в США, средним уровнем по Европе, по странам — членам ОЭСР, со средним уровнем жизни в Восточной и Центральной Европе и т.д. — результаты такой оценки дадут нам понимание того, как изменилась Россия по уровню своего экономического развития не в сравнении с самой собой двадцатилетней давности, а на фоне соседей.

Такого типа сопоставления обычно проводятся на основе сопоставления объемов ВВП соответствующих стран, приведенных к сопоставимому виду с помощью так называемых паритетов покупательной способности национальных валют (программа международных сопоставлений ООН — ПМС ООН). Россия официально участвует в ПМС ООН начиная с 1993 г. Эти сопоставления проводятся по показателю ВВП на душу населения, а также основным его агрегатам включая показатель фактического конечного потребления на душу населения. Этот показатель, как мы выяснили выше, хорошо подходит для охарактеризования уровня жизни в стране.

Иными словами, в результате ПМС ООН имеется динамический ряд, который позволяет судить о том, каким образом меняется уровень жизни в России начиная с 1993 г. относительно уровня жизни в других странах (сопоставления можно проводить с любой страной или группой стран из перечня участвующих в программе). Однако имеющийся ряд результатов ПМС ООН слишком короток для того, чтобы ответить на вопрос, ближе мы стали к международному эталону по сравнению с реформенным периодом или дальше от него.

К счастью, сопоставления на основе паритета покупательной способности в СССР проводились и ранее начиная с 1959 г. Их общая методология была в целом сопоставима с той, которая применяется в настоящее время в ПМС ООН. Сопоставления проводились в рамках СЭВ. Имея эти данные, можно достроить динамический ряд и выяснить, насколько изменился относительный уровень жизни населения России по сравнению с другими странами, прошедшими, как и она, трансформационный период.

Результаты ПМС СЭВ никогда прежде не публиковались в полной мере в открытой печати и имели гриф «Для служебного пользования». Поэтому можно практически не сомневаться в их непредвзятости. Однако в настоящее время эти материалы сохранились и доступны. В частности, в нашем распоряжении имеются данные по результатам международных сопоставлений в рамках СЭВ на основе паритетов покупательной способности национальных валют за 1988 г.

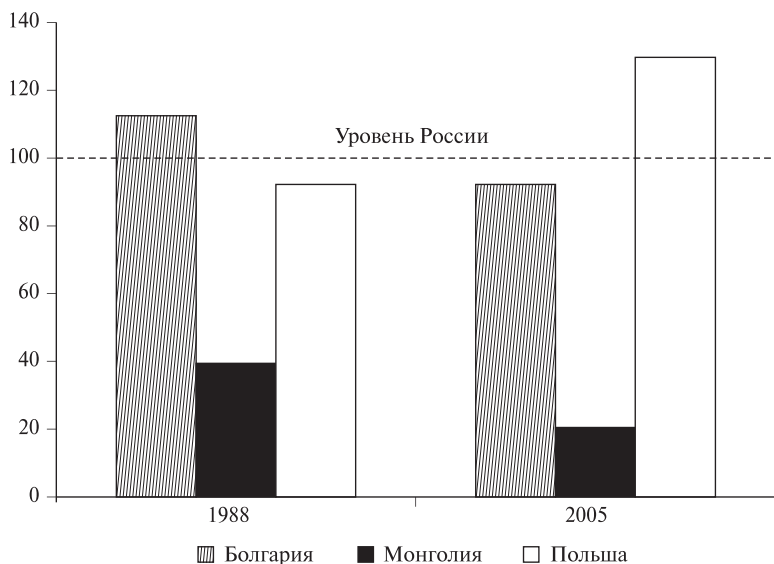
На основании этих данных были проведены сопоставления уровня жизни в России и некоторых странах — бывших членах СЭВ. Для этого пришлось решить несколько важных методологических и практических проблем.

1. В сопоставлениях СЭВ участвовал СССР, а не Россия. Поэтому для обеспечения сопоставимости между дореформенными и постреформенными рядами требуется увязать макроэкономические показатели России (РСФСР) и СССР. Мы использовали статистические данные соответствующих лет и рассчитали коэффициенты перехода для соответствующих показателей. Например, национальный доход на душу населения в РСФСР был на 19% выше, чем соответствующий показатель в СССР. При этом мы исходили из допущения, что покупательная способность и структура национального дохода в СССР и РСФСР сопоставимы.

2. Сопоставления СЭВ проводились на основании принятого в статистике социалистических стран того времени (см. БНХ)¹⁸ показателя национального дохода, в то время как в ПМС ООН используется показатель ВВП и его агрегаты, в том числе показатель фактического конечного потребления. К счастью, эксперты СЭВ провели также сопоставления по некоторым странам на основе показателя «Общее потребление населением материальных благ и нематериальных услуг». По описанию этот показатель полностью совпадает с показателем фактического конечного потребления домашних хозяйств СНС. Дальнейшие консультации с бывшими экспертами СЭВ, принимавшими участие в этой работе в 1980-е годы, подтвердили, что этот показатель был специально введен в программу для обеспечения в дальнейшем возможности увязки с ПМС ООН.

Воспользовавшись открывшейся возможностью, мы провели необходимые сопоставления и получили результаты, приведенные на рис. 9.1. Сопоставления были проведены между РСФСР и 1) Болгарией, 2) Польшей и 3) Монголией. Другие страны, участвовавшие в сопоставлениях — ГДР, Чехословакия и Югославия, — перестали существовать. Румыния принимала участие только в сопоставлениях на базе показателей БНХ. Для пересчета данных по СССР в данные по РСФСР был использован коэффициент 1,06, соответствующий соотношению показателей потребления населением материальных благ на душу населения в СССР и России в 1988 г.; было сделано допущение, что удельные веса досчетов на индивидуальные услуги, оказываемые государственным сектором, в СССР и РСФСР сопоставимы.

¹⁸ БНХ — баланс народного хозяйства.

Источники: Росстат, СЭВ, собственный расчет.

Рис. 9.1. Фактическое конечное потребление по паритету покупательной способности, %

Как видим, Россия прошла трансформацию к рыночной экономике успешнее Болгарии и Монголии, но намного хуже Польши.

Конечно, полученные результаты интересны и важны, но хотелось бы иметь возможность сопоставить показатели России с показателями не только стран — бывших членов СЭВ, но и США, поскольку именно эта страна используется обычно при международных сопоставлениях в качестве всеобщего эталона. Возможность для такого сопоставления была найдена. Дело в том, что Польша участвовала не только в сопоставлениях СЭВ. В 1985 г. эта страна принимала участие в некоторых программах международных сопоставлений с западными странами. Иными словами, имелась возможность использовать Польшу в качестве своеобразного моста для сопоставления показателей России и США. Для этого мы сделали два дополнительных расчета: 1) перешли от 1985 г. (год раунда ПМС ООН)

к 1988 г. (год сопоставлений СЭВ) с помощью сопоставления темпов роста физического объема ВВП РСФСР и Польши и 2) рассчитали соотношение показателей фактического конечного потребления и ВВП в польской экономике, которое мы распространили также на Россию. Недостающая информация по раунду международных сопоставлений 1985 г. была получена нами по запросу во Всемирном банке. Темп роста ВВП России был оценен на основании данных японского проекта по исторической статистике¹⁹.

В результате были получены следующие данные.

Таблица 9.1. Индексы физического объема экономики России по ППС, США = 100%, %

Индекс	Год					
	1988	1993	1999	2002	2005	2009 ²⁰
ВВП на душу населения	37	20	18	22	25	40
Фактическое конечное потребление на душу населения	22	17	15	16	28	—

Источники: Росстат, собственные расчеты.

Из приведенных данных видно, что Россия существенно ухудшила свои макроэкономические показатели в начале 1990-х годов по сравнению с США, но затем восстановила позиции, существовавшие до начала трансформации. При этом по показателю фактического конечного потребления эти позиции были восстановлены уже в первой половине 2000-х годов, в то время как по ВВП — только к концу периода.

¹⁹ См.: Пономаренко А.Н. Ретроспективные национальные счета России. 1961–1990. М.: Финансы и статистика, 2002.

²⁰ Раунды ПМС ООН проводятся один раз в 5 лет. Оценка за 2005 г. является расчетной. Использована оценка по ВВП с сайта Всемирного банка. Данных по сопоставлению показателей фактического конечного потребления сайт не содержит.

10. Выводы

Настоящий доклад ставил перед собой ограниченную и притом крайне сложную задачу: сопоставить уровни благосостояния населения России до начала реформ и сейчас, после 20 лет, насыщенных глубокими преобразованиями, практически сменой социально-экономической системы. Первое десятилетие занял трансформационный кризис, начатый рыночными реформами и завершившийся финансовым кризисом 1998 г. В этот период ВВП сократился на 40%, промышленная продукция — на 55%, инвестиции на — 80%. Затем, в течение следующих 10 лет, масштабы экономики были восстановлены; в 2008 г. объем ВВП составил примерно 108% от уровня 1990 г.

Слово «примерно» можно приставить к любой из приведенных в докладе цифр, поскольку при таком длительном периоде и столь глубоких социально-экономических изменениях в стране все статистические выкладки должны изначально признаваться весьма приблизительными. Но порой примерная оценка или несколько независимых оценок, полученных разными методами, вызывают больше доверия, чем цифры с пятью знаками после запятой.

Итак, полученные результаты примерно таковы.

1. С 1990 по 2008 г. уровень среднего текущего рыночного потребления за счет средств домашних хозяйств в России вырос на 45%. Сводный индекс благосостояния, который кроме рыночного текущего потребления учитывает изменения в ценовой доступности жилья (т.е. важнейшие элементы накопления домашних хозяйств), а также нерыночные индивидуальные услуги (здравоохранение, образование и социальное обеспечение), дает более скромный результат — рост на 32%.

Тем самым мы убедились в том, что упадка среднего уровня благосостояния населения России по сравнению с предреформенным уровнем сегодня нет. Напротив, после тяжелейшего кризиса мы восстановили масштабы экономики, а уровень жизни в целом заметно повысился.

2. Опережение роста благосостояния по сравнению с ростом ВВП объясняется, в частности, увеличением доли потребления и сокращением доли накопления в ВВП примерно на 10 п.п. Хотя впредь для повышения темпов экономического роста увеличение накопления хотя бы до 25% ВВП весьма же-

лательно, все же эти структурные изменения не следует трактовать однозначно отрицательно, например, как «проедание» народом своего будущего — так выразился один из авторитетных экспертов. Напротив, в советское время состав предлагаемой для потребления продукции определялся не спросом, а планом. Произведенные станки или истребители нельзя было предложить населению, тем более что внешняя торговля была ориентирована в основном на закрытие дисбалансов, а не на равновесие потребительского рынка или повышение эффективности. Тогда формула инвестиционного режима предполагала максимальное увеличение капитальных вложений при их низкой эффективности: рост накоплений был главным фактором роста экономики.

Рыночные реформы должны были привести к замене этой формулы на противоположную: максимальная эффективность при ограничении капитальных затрат. Мы не можем сказать, что такая замена произошла. Но затраты снизились хотя бы потому, что инвестиции в значительной мере стали частными, а их лучше считают. Что касается эффективности, то убедительных доказательств ее существенного роста пока недостаточно, с чем надо разбираться отдельно. Но очевидные сдвиги в пользу второй формулы налицо. Это один из важных итогов рыночных реформ, в принципе положительных, от которого выиграли люди, возможно в ущерб темпам роста. С их спросом рынок считается больше, чем план.

3. Сегодня также высказываются сомнения в том, есть ли в России рыночная экономика. Приведенный пример показывает: да, есть, реформы достигли этой цели, и в стране в течение минувших 20 лет проходили глубокие и плодотворные изменения. Они не всегда были «белыми и пушистыми», происходили через перераспределение ренты, криминализацию, коррупцию, рейдерство, произвол чиновников и правоохранительных органов, многие другие негативные проявления, которые до сих пор не только не прекратились, но нередко продолжают нарастать. Тем не менее, как показывает и наш доклад, рыночная экономика в России стала фактом, в этом решающем пункте мы вышли из тупика планово-распределительной экономики и вернулись на магистральную траекторию мирового развития. Это означает, что перед страной открылись перспективы, которых прежде она была лишена.

Высказываются также утверждения, что путь реформ был слишком тяжел, что их стратегия была неверной, и следовало, скажем, выбрать более умеренную стратегию, пусть и требовавшую большего времени. Сейчас, видимо, этот спор уже не удастся решить, каждый останется при своем мнении. Но удовлетворение можно увидеть в том, что важная, самая неблагодарная, но необходимая часть работы выполнена. Можно приняться за решение других, тоже сложных, но более конструктивных задач.

Эти позитивные, можно сказать оптимистические, выводы мы решили привести вовсе не для того, чтобы выразить славословие каким-либо персонам или существующим порядкам. Но сейчас все более распространяются апокалиптические заключения и прогнозы наряду с официальным оптимизмом. В этой ситуации мы считаем особенно своевременными взвешенные оценки исторических перемен в нашей стране.

4. В последние 20 лет произошли важные изменения в структуре потребления и образе жизни россиян. Доля расходов на покупку товаров и услуг снизилась от 75,3 до 69,5%, при этом выросли доли приобретения недвижимости (от 0,3 до 2,9%) и финансовых активов (от 12,6 до 17%). Снизилась доля натуральных поступлений. Зато на приобретение транспортных средств израсходовано в 2009 г. 6% денежных расходов против 1,7% в 1990 г. Тем самым можно констатировать рост рыночных, денежных отношений.

Доля жилья, строительство которого было профинансировано населением за счет собственных и заемных средств, увеличилась с 13,5% в 1989 г. до не менее 76% в 2009 г.

В вузах за счет собственных средств в 2009 г. обучалось 55% студентов, тогда как в 1990 г. таковых практически не было. Бурный рост числа студентов в эти годы большей частью финансировался из частных источников. Частные расходы населения на медицинские услуги составляют сегодня, по приближенным оценкам, до 50% объема государственных расходов на здравоохранение. Таким образом, в этот период наблюдался процесс маркетизации приобретения жилья, услуг образования и здравоохранения несмотря на обязательства государства по обеспечению бесплатности по крайней мере последних двух отраслей. Собственно, спросом населения и его расходами по этим направлениям во многом объясняются структурные изменения в уровне и образе жизни наших граждан. Приведенные

в докладе оценки снижения объема оказываемых государством и НКО индивидуальных нерыночных услуг на 7% с 1989 по 2009 г. следует рассматривать в увязке с увеличением частных расходов на эти услуги. Аналогично была произведена оценка доступности приобретения жилья или улучшения жилищных условий, которая показала снижение уровня доступности жилья в 2009 г. на 5% против 1989 г. Отсюда и более низкое значение сводного индекса благосостояния по сравнению с индексом текущего потребления.

В целом эти изменения следует оценить положительно: хотя при этом росли расходы населения, замещая недостаток государственного финансирования, шел необратимый процесс лучшего удовлетворения спроса населения.

Здесь мы сталкиваемся и с серьезной проблемой. Суть ее в том, что бесплатно, т.е. за счет средств государства или корпораций, потребности населения не удовлетворить. Как и на другие товары, спрос должен ограничиваться ценой, т.е. расходами покупателя. Если у нас рыночная экономика, то ее законы должны учитываться всюду. Это не означает, что обязательства бесплатности следует отменить. Но они должны быть ограничены, в медицине, например, программой бесплатной медицинской помощи, в образовании также должны быть определенные ограничения. Но следует учесть, что здравоохранение создает почти неограниченный спрос и может быть мощным драйвером всей экономики, действуя в тесном контакте с медицинским страхованием. Образование же нужно и гражданам, и обществу. Квалифицированный труд в соответствии со спросом на рынке труда плюс подбор и продвижение талантов становятся все более важным фактором роста производительности, питаемого инновациями и их распространением. Здесь участие государства в расходах, видимо, должно быть выше.

На наш взгляд, материалы доклада показывают, что развития рынков жилья, здравоохранения и образования совершенно недостаточно, и оно во многом сдерживается вниманием, в основном, к государственному сектору в этих отраслях и недооценке той важной роли, которую должна играть политика оплаты труда. В конечном счете зрелость рыночной экономики определяется тем, может ли подавляющее большинство населения рассчитывать на доходы, позволяющие приобретать желаемое жилье, качественные услуги здравоохранения и об-

разования. Не по лимитам, а в основном за деньги, с помощью кредита и страхования.

5. Принципиальной проблемой для российской экономики и всего общества является сложившийся уровень неравенства. Мало повысить уровень благосостояния в среднем, нужно добиться его оптимального распределения. Наше исследование позволяет сделать вывод, что пока в повышении благосостояния, ставшего возможным вследствие создания рыночной экономики, успешно участвуют только верхние, наиболее состоятельные 20% населения. На долю верхних двух квинтилей приходится половина всего прироста доходов. Третий квинтиль только-только вышел на уровень 1990 г., а 40% населения с наименьшими доходами получают меньше, чем до начала реформ.

В докладе содержатся данные, показывающие, что в Мексике (к ней можно добавить и Бразилию) дифференциация по доходам еще больше. Но это не должно нас успокоить. Высокий уровень неравенства, тем более увеличивающийся, не может не быть источником обстановки недоверия в обществе, а стало быть и угрозой стабильности. Значимое повышение оплаты труда в бюджетной сфере, которая всегда является наиболее доступным объектом экономии, в пакете с мерами по увеличению эффективности и сокращению числа работников представляются в связи с этим необходимостью. Заодно это приведет к росту зарплаток, которые равняются на нижний уровень в бюджетной сфере. Это будет непростым испытанием для бизнеса, которому придется изыскивать средства, в том числе на меры по повышению производительности, внедрению новой техники. Компенсировать эти трудности можно предоставлением предпринимателям большей свободы маневра, снижением коррупционного давления со стороны бюрократии и силовиков, улучшением защиты прав собственности и личности и иными мерами, ведущими в конечном счете к демократизации и другим институциональным изменениям, укрепляющим доверие и склонность к инновациям.

Завершая наш доклад, авторы выражают общее мнение, что его результаты оказались лучше, чем мы ожидали. В том числе и тем, что не все удалось сделать в этот раз, но зато для нас открылись многообещающие направления новых исследований. Надеемся, что у читателей будет аналогичное впечатление, и мы увидим со временем немало новых интересных исследований, развивающих намеченные здесь темы.

Научное издание

**Уровень и образ жизни населения России
в 1989–2009 годах**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *О.А. Шестопалова*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *Н.Е. Пузанова*

Корректор *О.А. Шестопалова*

Подписано в печать 28.03.2011. Формат 60×88¹/₁₆
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 5,34. Уч.-изд. л. 4,1
Тираж 2000 экз. Изд. № 1429

Высшая школа экономики
125019, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел./факс: (495) 772-95-71; (499) 611-15-52

Для заметок
